РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1884

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАГО.

ЯНВАРЬ.

ФЕВРАЛЬ.

ЗАПИСКИ Ѳ. П. ЛЕОНТЬЕВОЙ *

(1811, 1812 и 1813 ГОДЫ.)

Свекоръ мой намѣревался остановиться въ Москвѣ у родной сестры своей, Уваровой. Мнѣ помнится что домъ ея былъ на Поварской улицѣ. Мы пріѣхали въ Москву рано утромъ. Въ предмѣстіи я ничего не замѣтила необыкновеннаго, но когда мы миновали заставу и поѣхали по улицамъ, замѣтна была ужасная суматоха, хотя вездѣ мало встрѣчалось людей разнаго званія, а кто и встрѣчался, то всѣ съ какимъ-то страннымъ, заботливымъ лицомъ. Но всего болѣе насъ поразили запертые дома, ворота, двери, окна гдѣ были ставни, то и ставни всѣ закрыты; точно вымершій городъ, какъ будто въ домахъ никого не было живущихъ. Если гдѣ случалось увидѣть растворенныя окна, то въ домѣ замѣтна была бѣготня, хлопоты. Если ворота попадались распертыя, то уже непремѣнно на дворѣ телѣги и другіе экипажи; все это укладывается, навьючиваютъ воза и пр.

Среди такого спектакля мы добрались до Поварской; когда подъѣхали къ тетушкину дому, увидѣли что ставни и

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 10 и 12 1883.

ворота были заперты. Свекоръ послалъ отыскать кого-нибудь; пришелъ дворникъ и объявилъ что тетушка давно уже уѣхала и живетъ въ Ростовѣ, и что домъ пустой. Свекоръ сказалъ дворнику чтобъ онъ отворилъ ворота, потому что онъ намѣренъ остановиться въ домѣ пока выкормятъ лошадей. Ворота отворили, и ставни открыли въ двухъ комнатахъ. Въ домѣ мы нашли только ту мебель какую нельзя было брать съ собой; тетушка поѣхала въ одной четвероместной каретѣ. Поправивъ свой туалетъ, свекоръ поѣхалъ къ главнокомандующему, графу Растопчину, кое о чемъ разузнать.

Не знаю что̀ они говорили; батюшка ничего не сообщилъ намъ, но былъ задумчивъ, и какъ скоро лошадей выкормили, мы тотчасъ уѣхали. Во всѣхъ улицахъ которыя шли къ Троицкой заставѣ, мы встрѣчали много дорожныхъ экипажей и обозовъ. Повидимому все это направлялось по одному съ нами тракту. И подлинно, выѣхавъ за заставу, увидѣли что по дорогѣ тянулся рядъ экипажей, точно на гуляньѣ; и какихъ-какихъ экипажей мы только не встрѣтили! инымъ и названія кажется не было, а все было биткомъ набито людьми и поклажей. Скоро ѣхать было невозможно, и почти шагомъ добирались отъ станціи до станціи. Квартиръ по деревнямъ съ трудомъ можно было достать, такъ много было ѣдущихъ; на все ужасная дороговизна. Наконецъ, всѣми силами и неправдами добрались мы до Ростова. У Троицы Сергія разумѣется ходили Богу молиться; нашли много извѣстныхъ намъ особъ. По всей церкви раздавалось пѣніе монаховъ; слышны были кое-гдѣ разговоры, разные разказы, а болѣе всего плачъ и рыданіе.

Въ Москвѣ мы слышали объ одномъ ужасномъ происшествіи.

Говорили будто главнокомандующій графъ Растопчинъ уговаривалъ дворянъ и прочія сословія не оставлять Москвы, удостовѣряя что она никогда не попадетъ въ руки Наполеона, и прочее сему подобное. Не могу сказать правда ли это, но помню что неудовольствіе и ропотъ на графа Растопчина были всеобщіе, какъ при побѣгѣ изъ Москвы такъ и по возвращеніи въ нее.

Когда графъ Растопчинъ вооружался такъ противъ побѣга изъ Москвы, одинъ молодой купецъ, по прозванію Верещагинъ, провозглашалъ всѣмъ и каждому что Москва будетъ

непремѣнно взята и въ самое короткое время. Озлобили ли эти слова народъ, не понравились ли они можетъ-быть и самому Растопчину, только этотъ несчастный молодой человѣкъ, самъ ли нечаянно, или какими-нибудь тайными происками, попался однажды въ руки ожесточенному народу, который конечно не хотѣлъ чтобы Москва была отдана *Французу* и въ ярости началъ сперва бить Верещагина, а такъ какъ помощи этому несчастному полиція не хотѣла оказать, то онъ былъ убитъ и искаженный трупъ его таскали по улицамъ.

Въ Ростовъ мы пріѣхали къ вечеру. Свекоръ мой надѣялся пристать на время у родной сестры своей, Озеровой, которая нанимала небольшой домикъ по близости монастыря Св. Іакова Чудотворца. При въѣздѣ въ городъ столпилось экипажей много и одинъ пьяный мѣщанинъ пошатываясь пробирался съ трудомъ между экипажами, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и началъ насъ всѣхъ бранить: „Да откуда васъ прорвало? экъ привалили что и въ кабакъ негдѣ пройти“! Между тѣмъ началъ накрапывать порядочный дождь. Мы кое-какъ добрались до другой тетушки, но къ сожалѣнію домикъ ея былъ занятъ. Къ ней пріѣхалъ старшій братъ съ семьей изъ деревни. Помѣститься совершенно не было гдѣ, но тетка была добрая женщина и способна была сжаться. Она тотчасъ устроила свекру моему гдѣ-то уголокъ, а насъ пріютила всѣхъ пятерыхъ къ себѣ въ спальню, довольно большую комнату, гдѣ мы должны были спать на полу. Квартиры въ эту позднюю пору отыскать было невозможно, къ тому же дождь пошелъ проливной, дворикъ былъ небольшой, повозку нашу негдѣ было спрятать подъ крышку, и мы ночевали на мокрыхъ пуховикахъ; но благодаря Бога все съ рукъ сошло, ни одна не заболѣла.

На другой день, когда собрались всѣ вмѣстѣ, меня рекомендовали новымъ роднымъ: это были дядя Ѳедоръ Ивановичъ съ тремя дочерьми. Онъ былъ всѣхъ старше, около семидесяти лѣтъ, носилъ всегда зеленый зонтикъ, по причинѣ больныхъ глазъ; былъ небольшаго роста, худощавый старичокъ, черты лица тонкія и въ молодости должно-быть недурныя. Старшая дочь Надежда была недурна собой, похожа на Англичанку, высокая, тонкая, бѣлокурая, голубые глаза, бѣлая, розовая, черты тонкія, носъ защипнутый; однако всѣ черты безъ выраженія. Несмотря на свои тридцать лѣтъ она была очень

моложава. Когда она лишилась матери ей было пятнадцать лѣтъ, она понимала важность своей потери и поклялась не выходить никогда замужъ, заступить младшимъ сестрамъ мѣсто матери и успокоить на старости лѣтъ отца.

Вторая, Варвара, лѣтъ двадцати пяти или двадцати четырехъ, брюнетка, волосы черные, глаза черные, небольшіе, но отмѣнно умные и пріятные, худа, черты лица тонкія, весьма пріятное выраженіе, роста средняго. Она гораздо была привѣтливѣе и радушнѣе старшей, больше всѣхъ она мнѣ нравилась и всѣ находили что она гораздо умнѣе прочихъ сестеръ.

Третья, Вѣра, шестнадцати или семнадцати лѣтъ, собой прехорошенькая, личико à la française, un nez retroussé, живые глаза, сама рѣзвая, веселая; она тотчасъ сошлась съ меньшою моею золовкой Варварой, и онѣ не разставались.

Воспитаніе и познанія этихъ трехъ сестеръ еще ограниченнѣе было воспитанія и познаній моихъ четырехъ золовокъ; кажется не далѣе русской грамоты и то безъ правилъ. Вторая занималась еще иногда чтеніемъ какихъ-нибудь русскихъ или переводныхъ романовъ, а двѣ другія никогда.

Тетка Озерова была лѣтъ около шестидесяти, ужасно собой дурна, лицо все испорчено оспой и къ этому присоединялась посредственность ума. Но была женщина добрая, хотя весьма слабаго характера. Она была очень рада пріѣзду брата и всей семьи. Про себя я не могу сказать чтобы видѣла большія ласки отъ новыхъ родныхъ; сама же, имѣя отъ природы дикій и робкій характеръ, тоже ни къ кому не пріютилась и осталась сама при себѣ.

Свекоръ ходилъ, искалъ квартиру и нашелъ только три комнаты съ кухней и прихожей. Нечего было дѣлать, и это было удивительно въ такое время когда Ростовъ былъ биткомъ набитъ. Всѣ здѣсь ждали чѣмъ кончится участь Москвы. Люди наши отправились съ вещами на квартиру, а мы остались у дяди обѣдать. Къ обѣду явились два новыя лица, тетушка Уварова и съ ней молодая дѣвушка лѣтъ 22—23. Тетушкѣ было около шестидесяти лѣтъ, маленькая, худенькая старушка, но видно что была не дурна. Когда меня ей рекомендовали, она меня очень обласкала; по всѣмъ ея пріемамъ видно было что она была свѣтская женщина. Она была фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ II, вышла въ Петербургѣ замужъ за Уварова. Потомъ переѣхала съ мужемъ жить въ Москву и по смерти мужа оставалась тамъ же; она всегда

находилась въ самомъ лучшемъ кругу родныхъ, знакомыхъ, и повидимому была довольно пріятна въ обществѣ. Впрочемъ, она перессорилась со многими родными и знакомыми за молодую особу, которая пріѣхала съ ней. Молодая эта особа была не дурна собой; средняго женскаго роста и очень ловкая во всѣхъ своихъ движеніяхъ, не застѣнчива; по всему было замѣтно что она получила порядочное образованіе; одѣвалась и причесывалась очень красиво. Эта особа затмила всѣхъ моихъ молодыхъ родственницъ, и золовокъ, и кузинъ. Она съ ними старалась всячески сблизиться, а онѣ хотя и были съ ней учтивы, но какъ будто связаны чѣмъ. За обѣдомъ тетушка Уварова при случаѣ дѣлала мнѣ разныя привѣтствія и глазами, и словами, а я такая была дура, что всего краснѣла и конфузилась.

После обѣда, тетушка, улучивъ минуту когда всѣ разсѣлись по мѣстамъ чтобы кофе пить, подошла ко мнѣ, взяла меня подъ руку, пошла со мной по залѣ походить и говоритъ: „Могу ли я, моя милая, отрекомендовать тебѣ мою воспитанницу?“ Я отвѣчала опять покраснѣвъ: „Очень рада тетушка!“ Тетушка обратилась къ молодой особѣ и говоритъ. „Аннушка, поди сюда!“ Та подошла, и тетушка сказала подведя ее ко мнѣ ближе: „Рекомендую, мой другъ, тебѣ мою Анету, прошу тебя ее полюбить; если я сама буду умѣть заслужить твое расположеніе, то обрати ты его на Аннушку, а не на меня!“

Я очень была сконфужена этою рекомендаціей, этими словами и нѣсколько ироническою улыбкой молодой дѣвушки, и все мое привѣтствіе, на такое лестное для меня представленіе Аннушки, состояло въ томъ что я сдѣлала ей пренизкій институтскій реверансъ; она ловко откланялась мнѣ, и мы всѣ три разошлись по разнымъ мѣстамъ, я забилась куда-то въ уголъ чтобы скрыть мое смущеніе.

После обѣда мы пошли пѣшкомъ на нанятую квартиру и занимались цѣлый вечеръ устройствомъ ея. Было очень тѣсно; а у тетушки ночевать на полу было тошнѣе; il fallait prendre son parti.

Когда мы нѣсколько успокоились, я спросила у сестры, или, лучше сказать, у золовокъ своихъ объ этой Аннушкѣ которую мнѣ такъ странно отрекомендовали; онѣ мнѣ сказали что она не что иное какъ псарева дочь. Можно представить мое изумленіе. Тутъ онѣ мнѣ разказали ея исторію, вотъ она:

За тетушкой Уваровой въ приданое была отпущена женщина съ мужемъ и съ маленькимъ груднымъ ребенкомъ. У этой женщины былъ еще сынъ, лѣтъ шести или семи, который остался у дяди Ѳедора Ивановича. Г. Уваровъ былъ охотникъ, и найдя въ приданомъ лакеѣ своей жены способнаго человѣка къ охотѣ, сдѣлалъ его псаремъ. Г. Уваровъ былъ не строгой нравственности; рѣдко бывалъ дома, бѣдная жена оставалась всегда одна, лѣтомъ они жили въ деревнѣ; у нихъ былъ небольшой домикъ, одноэтажный, съ низкими окнами. Вотъ однажды тетушка по обыкновенію была одна, маленькая дѣвочка подошла къ окну; тетушка приласкала дѣвочку, дала ей какого-то лакомства, дѣвочка приходила каждый день, тетушка болѣе и болѣе ею забавлялась, наконецъ пріучила ее приходить къ себѣ въ комнату, гдѣ эта дѣвочка проводила почти цѣлые дни. Тетушка разумѣется знала что Аннушка дочь ея приданой женщины. Когда мужъ возвратился послѣ порядочной отлучки, тетушка подвела ее къ нему и увѣряла его что она премилая и презабавная. Мужъ ей на это отвѣчалъ что совѣтуетъ ей взять ее совсѣмъ къ себѣ, и такъ какъ у нея нѣтъ дѣтей, то заниматься этою дѣвочкой будетъ ей въ развлеченіе. Итакъ дѣвочка водворилась въ домѣ, и мало-по-малу дѣло дошло до того что тетушка къ ней привязалась безъ памяти и мужъ ея тоже, насколько могло привыкнуть, если не привязаться, къ ребенку сердце развращеннаго человѣка. Дѣло кончилось тѣмъ что тетушка увѣрила Аннушку и всѣхъ кто не зналъ ея происхожденія что она ея дочь; что та женщина, которую Аннушка считала своею матерью, была не что̀ иное какъ ея кормилица. Людямъ было запрещено въ этомъ разувѣрять ее. Родныхъ своихъ, которые, разумѣется, всѣ знали что̀ такое Аннушка, тетушка умоляла чтобъ они ей о томъ не говорили, и просила ихъ быть къ ней милостивыми. Мужъ молчалъ; онъ былъ радъ что у жены есть занятіе, которое отвлекаетъ ея вниманіе отъ него. По смерти мужа, тетушка, подъ видомъ довѣрія, старалась увѣрить всѣхъ что Аннушка побочная дочь ея мужа; что она изъ любви къ нему, и не имѣя своихъ дѣтей, взяла ее, воспитала и содержала ее какъ барышню. Personne n'a été dupe de ce conte; но изъ уваженія къ гжѣ Уваровой молчали и довольно ласково обходились съ Аннушкой. Все бы пошло можетъ-быть порядочно еслибы не гордый характеръ Аннушкинъ. Она очень хорошо знала что̀ она такое, но скрывала

это ото всѣхъ, особенно отъ тетушки, которую называла матушкой. Хотя она была и не глупа, но не могла въ иныхъ случаяхъ преодолѣть себя, и доводила свою наименованную матушку до весьма непріятныхъ сценъ и до ссоръ съ самыми лучшими ея знакомыми и близкими родными.

По смерти родителей Уваровой, послѣ общаго раздѣла, семейство Аннушкино все безъ исключенія досталось дядѣ Ѳеодору Ивановичу. Тетушка не противилась; для нея было покойнѣе и пріятнѣе чтобъ Аннушка не имѣла у себя на глазахъ никого изъ своей семьи; ей было свободнѣе выдавать ее за побочную дочь мужа своего.

Я уже сказала что тетушка дала Аннушкѣ нѣкоторое воспитаніе, которое состояло въ томъ что она могла объясняться по-французски, брянчала на фортепіано, танцовала изрядно; одѣвалась къ лицу, была развязна въ манерахъ и большая кокетка. Тетушка вывозила ее вездѣ съ собой и вездѣ ее принимали. Однажды въ пріятельскомъ домѣ, съ ними случилась непріятность. Въ этомъ домѣ тоже былъ фаворитъ, мальчикъ лѣтъ восьми. Аннушка сидѣла на креслахъ, а мальчикъ этотъ ходилъ въ той же комнатѣ, подошелъ къ ней и началъ звать ее играть въ другую комнату; она была еще очень молода. Сперва она отказывалась; потомъ начала его отталкивать; мальчикъ разсердился, ударилъ ее кулакомъ по колѣну и закричалъ: „Ишь какая важная, усѣлась въ креслахъ; твой отецъ былъ псарь, а мой дворецкій, да я не сижу; а ты псариха, псариха.“ Аннушка заревѣла во все горло, тетушка налетѣла какъ насѣдка; мальчика чуть не прибила, и когда узнала въ чемъ дѣло, разругала хозяина, хозяйку, говоря „что это сдѣлано съ намѣреніемъ ее обидѣть, что мальчикъ подученъ“, и тотчасъ велѣла подать карету. Хозяева извинились, старались разувѣрить ее въ ея предположеніяхъ; ни что̀ не помогло, тетушка разбраня ихъ уѣхала и съ тѣхъ поръ нога ея не была въ этомъ домѣ.

Когда Аннушка стала входить въ тѣ годы когда удовольствія или, лучше сказать, увеселенія составляютъ первое наше благо, она не удовольствовалась выѣздами въ дома знакомыхъ гдѣ ее принимали, она смертельно хотѣла въ Благородное Собраніе. Это Собраніе было тогда въ большой славѣ; туда допускались только столбовые дворяне. Все что̀ имѣло право, валило туда валомъ и разказывало чудеса о собраніи. Вотъ Аннушка и пристала къ своей

маменькѣ, вези ее въ Собраніе, да и только. *Маменька* знала что *дочка* не имѣетъ права на билетъ въ Собраніе, однакожь не могла противостоять ея просьбѣ, особенно когда та пустила въ ходъ магическую фразу: „Это очень странно, всѣ матери везутъ въ Собраніе своихъ дочерей, а я какъ будто не дочь вамъ, что вы меня не везете“. Этого было достаточно, тетушка бросилась къ одному изъ старшинъ Благороднаго Собранія, но какъ ни умоляла она его, онъ отказалъ наотрѣзъ. Она какъ ни была съ нимъ хорошо знакома, но тотчасъ прекратила знакомство, браня его вездѣ. Не знаю какое она оправданіе принесла Аннушкѣ.

У тетушки Уваровой было много племянниковъ, сыновей ея родныхъ братьевъ. Когда кто изъ нихъ пріѣзжалъ въ Москву, она отмѣнно была съ нимъ ласкова, приглашала къ себѣ въ домъ квартировать и старалась доставить разныя удовольствія. Говорятъ будто ея цѣль была чтобы котораго-нибудь изъ нихъ женить на Аннушкѣ. Племянники были все молодые служащіе въ полкахъ; пріѣзжали въ Москву повеселиться и очень были довольны предупредительностью тетушки. Не знаю, далеко ли простиралась предупредительность съ одной стороны; не переходила ли за черту позволительнаго съ другой, но только ни одинъ не поддался и не женился. Одинъ изъ нихъ (фаворитъ ее, потому что богаче другихъ) даже сыгралъ съ ней однажды преуморительную шутку.

1 мая бываетъ въ Москвѣ гулянье въ Сокольникахъ. Молодой Леонтьевъ, Иванъ Сергѣевичъ, гвардейскій полковникъ, недавно произведенный, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ и потерялъ сердце хотя и ненадолго, но все же его очень занимала одна особа. Онъ квартировалъ у тетушки и былъ отмѣнно любезенъ съ Анетой. Тетушка была въ восторгѣ. Въ день гулянья тетушка и говоритъ племяннику: „Не правда ли, Jean, ты поѣдешь съ нами, то-есть со мной и Аннушкой въ каретѣ на гулянье“?—„Нѣтъ, ma tante, никакъ не могу; мы согласились нѣсколько человѣкъ составить кавалькаду, и я поѣду съ ними“. Тетушка разсердилась сперва; потомъ стала приставать чтобъ онъ непремѣнно съ ними ѣхалъ. Что̀ дѣлать? Онъ былъ къ теткѣ почтителенъ, а между тѣмъ какъ не быть въ кавалькадѣ? Онъ былъ кавалеристъ и хотѣлъ погарцовать devant la dame de la pensée. Вотъ онъ думая напугать тетку и говоритъ ей: „Послушайте, ma tante,

вы лишаете меня большаго удовольствія; я поѣду въ каретѣ, но не пеняйте на меня если я надѣлаю вамъ на гуляньѣ какого-нибудь скандалу". Тетушка такъ обрадовалась что ничего не хотѣла слушать и твердила: „Вздоръ, вздоръ, ты поѣдешь съ нами и никакихъ глупостей дѣлать не станешь".— „Ну смотрите!" возразилъ племянникъ и ушелъ въ свою комнату.

Когда экипажъ подали, Анета, разфранченная, слѣдуетъ за своею матушкой на крыльцо. Леонтьева еще не было; онъ не сошелъ заранѣе чтобы подать дамамъ руку и посадить въ карету. Первая mésaventure. Послали къ нему сказать; помѣшкавъ немного, онъ приходитъ, и что̀ же? одѣтъ въ старый дорожный сюртукъ безъ эполетъ и фуражку, влѣзъ въ карету и усѣлся съ видимымъ негодованіемъ.

— Помилуй, Jean, что̀ это за костюмъ?

— Что̀ же сдѣлать, тетушка, я не такъ-то здоровъ.

— Неправда, все вздоръ, капризничаешь! Какже тебѣ показаться на гуляньѣ въ такомъ нарядѣ?

— Ну такъ позвольте, я выйду.

Карета между тѣмъ ѣхала скоро, пока споръ и разговоръ продолжался; притомъ же тетушкинъ разчетъ былъ тотъ чтобы Леонтьева всѣ видѣли въ ея каретѣ, а онъ долженъ былъ сидѣть въ углу чтобъ его страннаго костюма не было видно. Она со своей стороны тоже хотѣла ему отплатить и сказала: „Нужды нѣтъ, оставайся какъ есть!" Нечего дѣлать, ѣдутъ.

Вторая mésaventure.

Какъ скоро карета въѣхала въ линію, или, какъ говорили, въ веревку, Леонтьевъ легъ въ каретѣ на полу, высунулъ въ окно ноги свои въ сапогахъ со шпорами и кричитъ во все горло: „Помогите, помогите, полковника гвардейскаго душатъ, караулъ, караулъ".

Можно себѣ представить положеніе двухъ дамъ. Аннушка плачетъ; всѣ смотрятъ; тетушка бранитъ и чуть не бьетъ Леонтьева; гонитъ его вонъ, а онъ говоритъ: „Вѣдь я васъ предупреждалъ что надѣлаю скандалъ, а вы все-таки запихали меня въ эту клѣтку!" Велѣли остановиться; Леонтьевъ скоро выскочилъ крича дамамъ: „Прощайте! желаю веселиться"! и исчезъ.

Третья mésaventure.

Не болѣе прошло получаса какъ Леонтьевъ несется съ кавалькадой, на борзомъ конѣ, одѣтъ прекрасно, beau comme

le jour, промчался мимо теткиной кареты, руку къ шляпѣ и улетѣлъ. Въ каретѣ бѣсятся. И что же?.. несмотря на всѣ любезности Леонтьева съ Анетой, ббѣ дамы узнали и увидѣли qui est la dame de la pensée, ибо онъ не отъѣзжалъ отъ коляски въ которой она сидѣла и безпрестанно адресовался съ разговорами.

Вотъ и четвертая mésaventure.

Тетушкины надежды не сбылись; отпускъ Леонтьева кончился, онъ поспѣшилъ уѣхать.

Я отвлеклась Аннушкиною исторіей отъ болѣе важныхъ событій; обращаюсь къ нимъ.

Наконецъ ужасная вѣсть о взятіи Москвы разнеслась; страхъ и отчаяніе было почти всеобщее. Ростовъ былъ набитъ бѣжавшими отъ Наполеона фамиліями, всѣ ждали участи Москвы чтобы предпринять что-нибудь; при страшной новости все это пришло въ движеніе, начали сбираться бѣжать далѣе, и всѣ почти разъѣхались кто въ Кострому, кто въ Вологду, кому куда было удобнѣе, лишь бы подальше.

И наши всѣ родные начали помышлять объ удаленіи, особенно дядя Θедоръ Ивановичъ, у котораго были три дочери молодыя и пригожія собой. Въ это время я познакомилась еще съ двумя родными. Узнавъ о взятіи Москвы, меньшой братъ моего свекра, Михаилъ Ивановичъ, жившій все это время въ деревнѣ, въ двадцати верстахъ отъ Ростова, пріѣхалъ въ городъ на совѣщаніе съ братьями. Ему было тоже лѣтъ около шестидесяти, онъ не былъ никогда женатъ. При немъ жила родная племянница, самаго старшаго брата дочь, дѣвушка пожилая. Опять меня рекомендовали, но въ это время такъ были всѣ смущены что едва ли кто-нибудь обращалъ вниманіе на другаго.

При совѣтѣ не всѣ присутствовали; молодежь вся была исключена. Совѣтъ состоялъ изъ трехъ братьевъ, двухъ сестеръ, вдовъ Уваровой и Озеровой; къ совѣщанію допущены были изъ каждой семьи по одной старшей сестрѣ, напримѣръ, изъ нашей семьи старшая золовка Александра, изъ семьи Θедора Ивановича старшая дочь Надежда, со стороны Михаила Ивановича его племянница Варвара Сергѣевна. Какіе были разговоры на совѣщаніи, намъ молодымъ до того не было дѣла; насъ одно только интриговало, поѣдемъ или останемся. Чрезъ нѣсколько времени старшая моя золовка вышла и говоритъ намъ:

— Я ушла оттуда, потому что тамъ до меня теперь ничего не касается; наше семейство остается; батюшка сказалъ что онъ столько надѣется на покровъ Ростовскихъ Святыхъ Чудотворцевъ что никуда болѣе не поѣдетъ и въ полномъ увѣреніи что великій Чудотворецъ Сергій не допуститъ къ себѣ непріятеля. И прежде какъ ни пытались разные враги, но Сергій, покровитель Россіи, всегда разрушалъ ихъ планы.

Не знаю чѣмъ кончилось совѣщаніе, но повидимому не очень спѣшили сборами, вѣроятно были не готовы и дожидались что̀ будетъ далѣе.

Свекоръ мой послалъ гонца въ свою деревню, которая была верстахъ въ пятнадцати отъ Ростова, съ приказомъ чтобы староста и еще два или три крестьянина, коихъ расторопность и умъ были ему извѣстны, явились къ нему въ городъ. Когда они къ нему пришли, свекоръ мой, объяснивъ имъ политическія обстоятельства на понятный для нихъ ладъ, сказалъ:

— Я рѣшился остаться въ Ростовѣ, надѣясь на защиту Святыхъ Угодниковъ отъ врага, а на васъ надѣюсь въ продовольствіи меня съ семьей пока я здѣсь пробуду.

Староста былъ кажется тогда крестьянинъ, по прозванію Зарубинъ, и крестникъ свекровъ.

— Помилуй, батюшка, да куда тебѣ ѣхать отъ Угодниковъ и отъ своихъ крестьянъ; мы тебя будемъ всѣмъ домашнимъ продовольствовать, а ты намъ вычтешь изъ оброка сколько по мыслямъ придетъ. Богъ милостивъ! Авось супостатъ до насъ не доберется; довольно прогулялся; будетъ съ него и матушки Москвы на потѣху проклятому басурману. А если, чего Господи сохрани, онъ станетъ пытаться сюда идти, то мы васъ заберемъ къ себѣ, одѣнемъ васъ по-крестьянски и припрячемъ.

Сказано сдѣлано.

Дядя Михаилъ Ивановичъ съ Варварой Сергѣевной уѣхали опять въ деревню. При прощаніи они пригласили насъ къ себѣ въ деревню на праздникъ церковный, кажется Рождества Богородицы, 8 сентября. Свекоръ обѣщалъ.

Монастырь Св. Іакова, или въ просторѣчіи Яковлевскій монастырь, былъ очень близокъ къ заставѣ, а дядина и наша квартира были не далеко отъ монастыря, который въ это смутное время не запирался ни днемъ, ни ночью. Монастырь безпрестанно былъ наполненъ молящими, плачу-

щими; все бѣжало отъ Наполеона, все останавливалось у монастыря и входило туда чтобы принести благодареніе Святымъ Угодникамъ, приведшимъ ихъ подъ свой покровъ. Курьеры, изъ главной квартиры проѣзжавшіе въ Ярославль * и далѣе безпрестанно, считали первымъ долгомъ заѣзжать въ монастырь помолиться Св. Угоднику Димитрію Ростовскому. Надобно было видѣть съ какимъ благоговѣніемъ эти молодые люди молились и съ какимъ терпѣніемъ выслушивали вопросъ обступавшихъ ихъ въ ту же минуту любопытныхъ. Трудно было имъ отвѣчать! Сказать: „Москва пылаетъ!"— страшно. Утѣшить чѣмъ-нибудь? Нечѣмъ. Случалось, изъ нашей семьи молодежь, которая попроворнѣе, лишь услышитъ что колокольчикъ звенитъ и лихая тройка почтовая съ военнымъ сѣдокомъ несется къ монастырю, ту же минуту закричитъ кто-нибудь: „курьеръ!" и бросятся къ монастырю узнать о новостяхъ. И изъ прочихъ домовъ любопытные бѣгутъ туда же. Тогда не думали о костюмѣ; какъ случилось, какъ попало, лишь бы курьера-то не пропустить. Иногда видно было что къ монастырю подъѣзжали раненые, которые хотя и съ трудомъ, но могли еще съ помощію посторонняго выйти изъ экипажа и приложиться ко святымъ мощамъ. Одинъ раненый былъ поводомъ тому что мы съ тетушкой Уваровой стали жить вмѣстѣ на одной квартирѣ.

Тетушка жила довольно далеко отъ насъ у какихъ-то своихъ старинныхъ знакомыхъ. Вдругъ однажды она запыхавшись пришла къ намъ и говоритъ: „Дай ради Бога, братъ, мнѣ убѣжище на нѣсколько дней; представь себѣ что къ моимъ хозяевамъ на домъ ** поставили одного раненаго жестоко, въ пятку пулей; онъ пріѣхалъ въ коляскѣ, лежать ни начемъ мягкомъ не можетъ отъ этой раны; и всякое движеніе причиняетъ ему ужасныя страданія. Ему всегда стелютъ на полу солому; онъ безпрестанно стонетъ. Когда же перемѣщаютъ его, то крикъ ужасный. Можете вообразить мое отчаяніе когда его начали вынимать изъ коляски: онъ кричитъ дикимъ голосомъ, Аннушка моя плачетъ, я какъ безумная бросилась вонъ изъ дома въ чемъ была; дорогой дѣвушка меня догнала и накинула на меня эту шаль."

---

* Въ это время имѣла свое пребываніе въ Ярославлѣ великая княгиня Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская.

** Тогда приказано было чтобы всѣмъ раненымъ и вообще военнымъ давать квартиры казенныя по всѣмъ домамъ.

Мы слушали съ большимъ состраданіемъ; свекоръ отвѣчалъ что готовъ исполнить ея просьбу, только боится что ей будетъ тѣсно. Тетушка сказала что она „ни на что̀ не посмотритъ: лишь бы ей не слыхать этого крику, она готова ночевать въ дѣвичьей. Этотъ несчастный отдохнетъ здѣсь не болѣе двухъ дней и поѣдетъ въ Ярославль.“

Нечего было дѣлать, кое-какъ размѣстились. Послали сказать Аннушкѣ, и та пришла къ намъ на житье.

На другой день, когда собрались завтракать всѣ вмѣстѣ, мы увидѣли на улицѣ престранный экилажъ везомый шестью крестьянскими лошадьми. Этотъ экилажъ былъ въ родѣ восьмистекольной кареты, кажется безъ рессоръ, по крайней мѣрѣ ихъ вовсе было не видно. Кузовъ деревянный, покрытый весь одною голубоватою краской, колеса необыкновенно толстыя, низкія, обитыя желѣзомъ. Окна всѣ закрыты, но насквозь были видны люди сидящіе внутри, старые и молодые, все дамы. Кучеромъ и форейторомъ два мужика. На козлахъ съ кучеромъ лакей, сзади на старинномъ лакейскомъ мѣстѣ еще лакей и дѣвушка; на кузовѣ сидѣла небольшая дѣвушка, державшаяся за какую-то веревку. Этотъ рыдванъ едва тащился, хоть и не „въ гору по пескамъ“ какъ въ баснѣ Крылова, а просто по ровной мостовой. Экилажъ проѣхалъ, мы про него потолковали да и забыли. Нѣсколько времени спустя входитъ человѣкъ и докладываетъ что одна смоленская помѣщица желаетъ видѣть моего свекра; онъ велѣлъ принять ее, мы всѣ съ любопытствомъ ожидали. Вошла дама въ черномъ и не новомъ шерстяномъ платьѣ, лѣтъ сорока, собой не хороша, но умное лицо. Когда она вошла въ гостиную, свекоръ мой тотчасъ подошелъ къ ней и спросилъ что̀ ей угодно.

— Милостивый государь, сказала дама со слезами,—спасите несчастное семейство; со мной престарѣлая мать, дѣти, люди и все это умираетъ съ голоду.

Съ этимъ словомъ она стала опускаться на колѣни, но свекоръ мой, замѣтивъ это движеніе, тотчасъ взявъ ее за руку подвелъ къ первому стулу, по близости стоявшему, посадилъ ее и самъ подлѣ нея сѣлъ:—Пожалуста, сударыня, успокойтесь; я готовъ вамъ служить, скажите только что̀ вамъ надобно?

Вѣроятно вы видѣли въ какомъ экилажѣ мы проѣхали мимо васъ, у меня экилажей нѣтъ; я не богатая женщина,

эта карета какъ антикъ стояла у меня подъ навѣсомъ, я съ семействомъ едва успѣла выѣхать изъ деревни какъ туда вошли Французы; я не имѣю ни денегъ и почти никакой провизіи, пробираюсь окольными дорогами и живу подаяніемъ ради Христа. Люди мои, видѣвъ мое ужасное положеніе, отказались получать отъ меня на харчи, сами вездѣ ходятъ просить милостины, этимъ пропитываются и мнѣ иногда помогаютъ. Я ѣду въ Костромскую губернію, тамъ живетъ моя родная тетка, пристанемъ пока у нея, а тамъ будетъ что̀ Богу угодно. Тотчасъ по пріѣздѣ я пошла къ здѣшнему полицеймейстеру, узнала отъ него къ кому мнѣ адресоваться за подаяніемъ, онъ назвалъ и далъ мнѣ адресъ многихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Я ближе всѣхъ стою около вашей квартиры, и къ вамъ къ первому пришла.

Свекоръ подумавъ немного сказалъ:—Много я не могу для васъ сдѣлать, я самъ едва уѣхалъ отъ непріятеля и въ такую безденежную пору для русскаго помѣщика; я вамъ пришлю сѣна, овса, провизіи и что̀ могу денегъ. Оставьте вашъ адресъ, черезъ часъ все получите, а сами между тѣмъ попробуйте счастія еще въ другихъ мѣстахъ.

Дама благодарила и плакала, свекоръ мой уговаривалъ ее мужаться и проводилъ ее до дверей.

Потомъ призвалъ своего камердинера, распорядился разнымъ запасомъ какъ обѣщалъ этой госпожѣ, запечаталъ въ пакетъ отъ себя 25 руб., да кое-что отъ тетушки и отъ меня, и послалъ къ ней.

Скажу нѣсколько словъ о себѣ. Я грустила и ужасно скучала. Неизвѣстность о мужѣ и о матушкѣ и опасеніе за нихъ наводили на меня грусть. Беременность моя, бывшая почти въ половинѣ, приводила меня въ уныніе. Это тягостное, новое для меня положеніе безпокоило меня. Мнѣ было тяжело и ходить и сидѣть, безобразная фигура моя бѣсила меня, не знала какъ одѣться чтобы спрятать ото всѣхъ это безобразіе, платья не годились, новыхъ надѣлать было не на что̀, теперешнихъ блузъ тогда еще не выдумали; я была всегда закутана въ пунцовой турецкой шали съ головы до ногъ. Когда бывалъ кто-нибудь у насъ, я не выходила изъ своего угла, мнѣ было стыдно показаться. Скучала безъ памяти, занятій для меня не было никакихъ, ни чтенія, ни рисованія, ни работы. Какъ было завидно глядя на другихъ. Сойдутся всѣ родные вмѣстѣ, раздѣлятся на двѣ партіи, старшіе въ одной,

молодежь въ другой, все это разговариваетъ, кто серіозно, кто весело, а я, какъ отчужденная, какъ парія, не могу ни къ одной группѣ пристать; иногда подсяду къ кому-нибудь, посижу, послушаю, ничего не понимаю; ни что̀ не интересуетъ въ разговорахъ. Золовки мои рѣже были со мной чѣмъ въ деревнѣ, это понятно, онѣ почти всѣ были веселаго нрава, родные тоже; а я что̀? грустная, скучная, молчаливая, ни къ кому не могла пріютиться. Боже мой! Какъ я должна была быть всѣмъ въ тягость!

Вотъ подошло 8 сентября; стали собираться къ дядѣ въ гости. Я приходила въ отчаяніе отъ мысли что мнѣ тамъ будетъ еще скучнѣе; въ чужомъ домѣ больше стѣсненія; будетъ ли уголокъ гдѣ мнѣ пріютиться? чѣмъ заняться? Правда что и дома не было занятій, да все дома не такъ страшно. Тетушка Уварова давно уѣхала къ нимъ, старшій дядя за день до насъ уѣхалъ со всѣми дочерьми, а мы собрались наканунѣ и поѣхали тотчасъ послѣ утренняго чая чтобы поспѣть къ обѣду. Усѣлись опять въ извѣстный фаетонъ. Погода начинала портиться; накрапывалъ дождичекъ, хоть и не великъ, да мелкій, осенній, обѣщающій къ вечеру порядкомъ разыграться. Пріѣхали къ самому почти обѣду. Отобѣдавъ старики пошли отдыхать, прочіе собрались группами, а я опять одна. Отъ нечего дѣлать пошла бродить по комнатамъ; ходила по залѣ, по билліардной, гдѣ меньшая золовка и меньшая кузина учились играть на билліардѣ; потомъ прошла въ гостиную, гдѣ сидѣли двѣ или три группы. Увидавъ въ сторонѣ отворенную дверь, вошла въ нее и вскрикнула: я увидѣла передъ собой огромные шкалы съ книгами. Двоюродная сестра, хозяйка дома, вошла тоже въ комнату услышавъ мое восклицаніе и нашла меня въ какомъ-то экстазѣ передъ книгами.

— Что̀ такое, кузина?

— Mon Dieu, des livres!

— Vous aimez donc la lecture?

— Si je l'aime, mon Dieu!

Кузина отворила ящичекъ въ столѣ, достала ключъ и подавая мнѣ:

— Voici la clef de toutes les armoires, choisissez tout ce qu'il vous plaira; le catalogue est dans ce tiroir.

Я бросилась на ключъ, чуть не поцѣловала эту благодѣтельную руку и, смѣшно признаться, почти со слезами сказала:

— Que vous êtes bonne, ma cousine!

— Объ одномъ только васъ прошу, кузина, не давайте никому ключа.

— Будьте покойны, ma cousine.

Но оставшись одна, я сперва любовалась книгами сквозь стекла; потомъ взяло меня раздумье съ чего начать. Библіотека была большею частію составлена изъ французскихъ книгъ, оригинальныхъ и переводовъ. Не помню съ чего я начала; мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ и семь мѣсяцевъ. Я съ жадностію все читала. Я перечитала Вольтера, Руссо, Кребильйона, Корнеля, Расина; нѣкоторыя ученыя книги, Платона, Гомера и не припомню всего. О романахъ и говорить нечего, но я ихъ читала только когда отъ серіозныхъ книгъ умъ мой уставалъ или, какъ говорится, для отдыха.

Разумѣется все это перечитала я не въ это короткое посѣщеніе, но въ продолженіе восьми или девяти мѣсяцевъ, то-есть до возвращенія нашего въ калужскую деревню. Дядя М. И., узнавъ что я такая любительница чтенія, возымѣлъ ко мнѣ уваженіе. Онъ самъ любилъ чтеніе, занимался литературой, писалъ стихи очень порядочно, но никогда и не для кого не хотѣлъ отдавать ихъ въ печать. Частехонько бывало что-нибудь напишетъ, и понимая можетъ-быть что я больше другихъ могу оцѣнить, позоветъ меня, сядемъ поодаль отъ другихъ, онъ мнѣ читаетъ, а я слушаю, или смѣюсь, или радуюсь, или хвалю, смотря по сюжету.

У меня была большая тетрадь его списанныхъ мною сочиненій; эта тетрадь погибла жертвой пламени въ Кудиновскомъ каминѣ въ 1825 году, когда жандармы, послѣ 14 декабря, скакали по всей Россіи и хватали всѣхъ и все что имѣло нѣсколько вольнодумный видъ. Въ дядиныхъ стихахъ попадалось кое-что въ родѣ этого; мужъ мой, „немного попугай“ (такъ говаривала одна Нѣмка, вмѣсто *немного испугался*), схватилъ мою тетрадь прежде чѣмъ я могла опомниться, и бросилъ въ огонь.

Съ открытіемъ шкаповъ библіотеки я какъ будто переродилась; я уже не скучала, хотя и грустила еще о своихъ; мнѣ кажется я стала повеселѣе и чаще сближалась съ другими; иногда даже входила въ общіе разговоры.

Я нѣсколько отвлеклась отъ порядка въ моихъ запискахъ; въ самый же день нашего пріѣзда было происшествіе гораздо занимательнѣе; разкажу его, хотя оно довольно длинно.

Мы пріѣхали наканунѣ праздника; вечеромъ была всенощная въ залѣ, потому что погода сдѣлалась очень дурна, дождь съ вѣтромъ, и въ церковь идти было невозможно. Зала была длинная и къ одной сторонѣ колонны. Старики стояли ближе къ тому мѣсту гдѣ шла служба и хриплыми голосами подпѣвали причетникамъ. Молодежь вся забилась въ дальній уголъ къ дверямъ, а я стала возлѣ хозяйки у одной колонны, или лучше за колонной, на половинѣ залы. Подлѣ хозяйки стояла маленькая ее воспитанница, дѣвочка лѣтъ четырехъ или пяти; ее звали Сонюшкой. Она была побочная дочь брата хозяйка, Ивана Сергѣевича Леонтьева и одной Англичанки. Въ половинѣ всенощной вошелъ человѣкъ, и подойдя къ Варварѣ Сергѣевнѣ сказалъ: „Генеральша Сольданъ пріѣхали изъ города и приказали спросить угодно ли вамъ будетъ принять ее.“ Сестра съ удивленіемъ посмотрѣла на человѣка и спросила что̀ такое онъ говоритъ. Лакей повторилъ тѣ же слова. Сестра отвѣчала:

— Да я ея не знаю и фамиліи этой не слыхивала. Что̀ за странность?

Мнѣ казалось что я ее гдѣ-то слыхала фамилію Сольданъ и я невольно подвинулась къ Варварѣ Сергѣевнѣ; она оборотилась ко мнѣ и говоритъ:

— Concevez-vous cela; une M-me Soldan que je ne connais ni d'Eve, ni d'Adam, arrive je ne sais d'où et demande à être reçue; que me veut-elle?

Любопытство меня подстрекало, и я сказала сестрѣ:—Mais si vous désirez de savoir ce qu'elle vous veut, le meilleur moyen est de la recevoir, d'autant plus qu'il fait un temps de loup; si vous la refusez, cette pauvre voyageuse sera obligée, par ce temps affreux, de retourner à la ville, qui est à plus de 20 verstes.

— Mais c'est vrai ça cependant! и обратясь къ человѣку:— Проси и приведи сюда, прямо ко мнѣ.

Человѣкъ пошелъ. Старшіе ничего не замѣтили, потому что стояли къ намъ почти задомъ. Молодежь все видѣла и ничего не слыхала; любопытство подстрекалось. Пока человѣкъ ходилъ съ отвѣтомъ, я все думала, отчего эта фамилія такъ мнѣ знакома, гдѣ я могла ее слышать. Наконецъ дверь отворилась и въ залу вошла дама одѣтая щегольски по дорожному; на ней былъ редингогъ съ пелериной изъ темнозеленаго мериноса, съ пунцовою выторочкой вокругъ всего

капота, пелерины и пояса; это было что-то въ родѣ военнаго костюма, два цвѣта наши обще-армейскіе. На головѣ сверхъ бѣлаго простенькаго чепчика была надѣта шапочка въ родѣ каскетки, тоже изъ зеленой матеріи съ лунцовою отдѣлкой. Въ то время многія молодыя дамы, особенно тѣ у которыхъ мужья были военные, пошили себѣ дорожныя шинельки, подражая нѣсколько военнымъ.

Человѣкъ сопровождавшій гжу Сольданъ провелъ ее чрезъ всю залу и подходилъ къ Варварѣ Сергѣевнѣ, которая сдѣлавъ нѣсколько шаговъ привѣтствовала ее. Гжа Сольданъ просила извиненія что обезпокоила ее и прибавила: „Vous me pardonnerez j'espère en faveur d'une lettre que je vous apporte de votre frère!“ Варвара Сергѣевна очень обрадовалась, она давно не получала писемъ отъ брата и безпокоилась; обласкала гостью и попросила ее стать подлѣ себя.

Когда гжа Сольданъ подошла къ колоннѣ за которой я стояла, я ее тотчасъ узнала и вспомнила что видѣла ее въ Петербургѣ, въ домѣ ея матери гжи Хитрово.

Вдругъ гжа Сольданъ, увидѣвъ маленькую Соничку, вскрикнула: „Sophie!“ упала предъ ней на колѣни, начала ее обнимать, заплакала и просила позволенія выйти. Кузина взяла ее за руку и повела къ дверямъ въ гостиную. Эта продѣлка гжи Сольданъ открыла мнѣ глаза, и я оставшись одна начала припоминать все что̀ мнѣ разказывали въ Петербургѣ про нее.

Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на эту сцену, неумѣстную во время всенощной. Болѣе всѣхъ занимались этими происшествіями двѣ молодыя дѣвчонки, золовка моя Варя и кузина Вѣра. Эти двѣ вѣтреницы не выдержали и тихонько пошли за гостьей и за хозяйкой. Имъ удобно было все видѣть и слышать изъ дверей билліардной въ гостиную. Въ дверяхъ гостиной стояли большія ширмы со стеклами. Видѣть-то онѣ видѣли и слышать-то слышали, да та бѣда что ничего не поняли: тѣ говорили по-французски, а эти обѣ ни слова по-французски не разумѣли. Съ длинными лицами приходятъ онѣ ко мнѣ и шепотомъ уговариваютъ меня чтобъ я пошла подслушать; „а мы“, говорятъ, „ничего не могли понять, барыня стоитъ на колѣняхъ предъ Варварой Сергѣевной, плачетъ, часто повторяетъ: pardon... votre frère; письмо какое-то развернутое лежитъ на столѣ и все тутъ“. Я засмѣялась, отказалась идти подслушивать и говорю: „Pardon, значитъ *простите*, votre

frère, значитъ *вашъ братъ*, письмо развернутое—отъ Ивана Сергѣевича, а окончаніе всей этой траги-комедіи до завтра".

По окончаніи всенощной мы всѣ вошли въ гостиную и нашли гжу Сольданъ разговаривающею съ хозяйкой, повидимому очень спокойно, о какихъ-то постороннихъ вещахъ. Письма на столѣ уже не было. Кузина Варвара Сергѣевна представила гжу Сольданъ дядюшкѣ, сказавъ что она проѣздомъ чрезъ Ростовъ и привезла извѣстіе объ Иванѣ Сергѣевичѣ, о которомъ слышала въ Ярославлѣ отъ Каблукова, поручившаго ей увѣдомить родныхъ что Иванъ Сергѣевичъ живъ и здоровъ. Дядюшка благодарилъ ее за пріятное извѣстіе и просилъ ее пробыть завтрашній день у него. Замѣтно было что для гжи Сольданъ это приглашеніе было очень пріятно, и сказавъ нѣсколько привѣтствій она съ удовольствіемъ согласилась пробыть сколько будетъ угодно гостепріимнымъ хозяевамъ. По окончаніи всѣхъ этихъ обоюдныхъ комплиментовъ, сестра Варвара Сергѣвна отрекомендовала всѣхъ насъ гжѣ Сольданъ не называя каждую по имени, но вообще сказавъ: „Ce sont mes cousines, les demoiselles Léontieff, а обо мнѣ она прибавила: „Cest aussi ma cousine, c'est une demoiselle Karabanoff mariée à un de mes cousins Léontieff." При взглядѣ на меня госпожа какъ будто нѣсколько удивилась и посмотрѣвъ попристальнѣе сказала: „Il me parait que j'ai eu le plaisir de vous rencontrer quelque part dans la société, si je ne me trompe."—Vous ne vous trompez pas, madame, j'ai eu l'honneur de vous voir quelquefois chez Mme votre mère, mais la dernière fois que nous nous sommes rencontrées il n'y'a pas encore un an je crois, c'était chez Mme H... votre belle soeur, la veille de son départ pour Вятка!—„Ah! c'est vrai!" отвѣчала гжа Сольданъ покраснѣвъ и какъ будто нѣсколько смутившись.

Я отошла и сѣла поодаль.

Всѣ замѣтили смущеніе гжи Сольданъ когда мы обмѣнивались нѣсколькими словами во всеуслышаніе. Послѣ ужина всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, я надѣла свой вечерній костюмъ и собиралась читать, да не тутъ-то было ко мнѣ налетѣли со всѣхъ сторонъ мои золовки и кузины и пристали ко мнѣ съ просьбой чтобъ я непремѣнно разказала имъ все что знаю про гжу Сольданъ. Я отнѣкивалась увѣряя что ничего не знаю, но была побѣждена хозяйкой дома, которая проводивъ свою нежданную гостью пришла ко мнѣ съ тою же просьбой, и когда я стала отговариваться, она мнѣ сказала на это:

— Послушайте, cousine! этого нельзя скрыть чтобы вы чего-нибудь о ней не знали; она очень смѣшалась когда узнала васъ. Можетъ-быть вы не были свидѣтельницей ея поступковъ, но вѣроятно кое-что о ней слышали отъ ея родныхъ съ которыми вы были знакомы. Не думайте, cousine, чтобы меня подстрекало одно пустое любопытство. Нѣтъ, все что̀ касается до этой женщины очень меня интересуетъ, потому что тутъ дѣло идетъ о моемъ братѣ.

— А! невольно вскрикнула я:—такъ это правда?

— Вотъ видите ли, сказала Варвара Сергѣевна, — вы о ней кое-что слышали; пожалуста скажите. Вы знаете что я люблю брата болѣе жизни, я непремѣнно хочу знать все что̀ можно про эту женщину, тѣмъ болѣе что письмо брата...

Варвара Сергѣевна вдругъ остановилась и покраснѣла.

— Что̀ же письмо? сказала я.—Мнѣ извѣстно что госпожа Сольданъ привезла вамъ письмо отъ Ивана Сергѣевича. Вотъ эти молодыя дѣвушки подсмотрѣли за вами, но не все поняли изъ вашего французскаго разговора. Кузина, довѣренность за довѣренность!

Варвара Сергѣевна нѣсколько подумала и потомъ сказала:

— Ну что̀-жь! въ письмѣ нѣтъ никакой особой тайны, вотъ оно.

Она достала письмо изъ ридикюля и подала мнѣ.

— Можно читать громко? спросила я.

— Можно, отвѣчала Варвара Сергѣевна.

Вотъ что̀ я прочла во всеуслышаніе:

„Любезная сестра,—Пріятель мой, полковникъ Каблуковъ сейчасъ ѣдетъ въ Ярославль; берется доставить тебѣ это письмо. Я очень радъ что имѣю случай сказать тебѣ что я слава Богу живъ и здоровъ. (Мы всѣ сидимъ у моря и ждемъ погоды.) Ни разу не былъ раненъ, хоть иногда бывало и жарконько. Видно ты усердно молишься за меня Богу. Между тѣмъ предупреждаю тебя что тебѣ предстоитъ новое знакомство. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, г. Сольданъ товарищъ по службѣ, сказывалъ мнѣ что жена его ѣдетъ въ Ростовъ по дѣламъ; я увѣренъ что она будетъ искать случая съ тобой сблизиться, но я тебя долженъ увѣдомить что гжа Сольданъ мой злѣйшій врагъ... Будь осторожна! Описывать некогда причинъ этой вражды, при свиданьи разкажу. Прощай!“ и пр.

Мы всѣ посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ.

— Да какимъ же образомъ письмо это попало въ руки къ Madame Сольданъ? спросила я.

— Вотъ какъ. Каблуковъ проѣхалъ чрезъ Ростовъ ночью; побоялся отдать письмо смотрителю станціи и разсудилъ послать изъ Ярославля по почтѣ въ Ростовъ. Въ Ярославлѣ онъ нечаянно встрѣтился съ Madame Сольданъ во дворцѣ у великойкнягини Екатерины Павловны, принцессы Ольденбургской. Тотъ и другая представлялись ея высочеству. Въ разговорахъ Каблуковъ, узнавъ что госпожа Сольданъ ѣдетъ въ Ростовъ, поручилъ ей письмо для передачи мнѣ. Она съ радостію взялась за эту коммиссію. Но пріѣхавъ въ Ростовъ, она не могла воздержаться чтобы не прочитать письма, потому что Каблуковъ отдавая ей улыбнулся иронически. Прочитавъ письмо, она пришла въ отчаяніе отъ мнѣнія брата о ней и поспѣшила своимъ пріѣздомъ ко мнѣ чтобъ оправдаться предо мной въ такомъ несправедливомъ обвиненіи.

— Что̀ же она вамъ сказала въ свое оправданіе? спросила я.

— Да почти ничего! отвѣтила Варвара Сергѣевна.—Много плакала, на колѣняхъ просила извиненія что распечатала письмо, клялась что никакого зла брату не дѣлала, что она слишкомъ много его любила чтобы на то рѣшиться, что ихъ поссорили злые люди и прочее въ родѣ этого.

— Cousine, сказала я,— если вы думаете узнать отъ меня что-нибудь насчетъ непріязни вашего брата съ Madame Сольданъ, то ошибаетесь. Я слышала что она была влюблена въ вашего брата, что онъ будто бы не отвѣчалъ на ея чувства, и что онъ часто жаловался нѣкоторымъ изъ ея родныхъ на ея докучливыя изъясненія въ любви.

— Не знаете ли вы что-нибудь о ней вообще? Изъ вашего разказа я могу заключить объ ея характерѣ et de savoir par là à quoi m'en tenir sur son compte.

— Avec plaisir; mais ce n'est pas grand' chose.

Госпожа Сольданъ была дочь одной знатной и богатой дамы, гжи Хитрово. У этой госпожи было четверо дѣтей, два сына и двѣ дочери; госпожа Сольданъ была меньшая и фаворитка матери, несмотря на то что старшая была умнѣе и достойнѣе. Оба сына были женаты и занимали значительныя мѣста по службѣ; старшаа дочь была замужемъ за посланникомъ и жила съ мужемъ въ Парижѣ. Госпожа Сольданъ, или лучше будемъ называть ее пока Sophie, дѣвушка молодая и избалованная старухой матерью, оставалась одна при ней.

У госпожи Хитрово была прекрасная дача на Петергофской дорогѣ, не далеко отъ Стрѣльны. Садъ, какъ и всѣ почти сады по этой дорогѣ, выходилъ на шоссе; чрезъ каналъ хорошенькій мостикъ и красивая калитка. Молодая дѣвушка часто гуляла по саду, сиживала въ бесѣдкѣ изъ которой видъ былъ на шоссе; по шоссе часто ѣздили экипажи, а чаще всего офицеры полковъ стоявшихъ въ Стрѣльнѣ и прочихъ сосѣднихъ мѣстахъ прогуливались пѣшкомъ и верхомъ. Наконецъ Sophie до того насидѣлась, начиталась романовъ и намечталась въ этой бесѣдкѣ что ее многіе замѣтили и распустили объ этомъ слухъ. Въ Конногвардейскомъ полку былъ одинъ юнкеръ, иностранецъ, полу-Французъ, полу-Голландецъ, захотѣлъ видѣть эту мечтательницу, и скоро ему удалось. Онъ увидѣлъ что она не дурна собой; узналъ что она фаворитка богатой и знатной матери, и полагая, по ея мечтательности, что она должна быть романическаго характера, рѣшился воспользоваться этимъ чтобы сдѣлать выгодную партію.

Не могу сказать чтобы господинъ Сольданъ былъ хорошъ собой; я нашла въ немъ самаго обыкновеннаго или, какъ говорится, дюжиннаго человѣка; но вѣроятно, какъ Французъ, онъ былъ предпріимчивъ. Не для чего описывать всѣхъ средствъ употребленныхъ имъ для достиженія своей цѣли. Откройте любой романъ и найдете тамъ подробное описаніе всѣхъ подобныхъ предпріятій. Онъ часто прогуливался; познакомились; видѣлись наконецъ каждый день въ бесѣдкѣ, и къ концу лѣта дѣвица Хитрово была влюблена по уши въ юнкера. По окончаніи лагеря юнкеръ былъ произведенъ въ офицеры; поссорился съ другимъ офицеромъ, вѣроятно за карты или за актрису; имѣлъ съ нимъ дуэль; былъ слегка раненъ въ руку и посаженъ подъ арестъ. Эта дуэль довершила очарованіе нашей дѣвицы. Онъ письмомъ увѣрилъ ее что дрался за нее. Она пришла въ такой восторгъ что дала ему клятву не быть ни за кѣмъ кромѣ его. Господинъ Сольданъ, обнадеженный такою клятвой, сдѣлалъ предложеніе. Госпожа Хитрово, знатная дама, изъ себя вышла отъ гнѣва за то что ничтожный офицеръ, да еще иностранецъ, осмѣлился на это. Наконецъ, видя что не можетъ преодолѣть намѣренія дочери выйти за Сольдана и боясь отъ нея какого-нибудь безразсуднаго поступка, прогнала ее на антресоли, держала подъ карауломъ и не позволяла видѣться ни съ кѣмъ даже изъ родныхъ. Sophie ото всѣхъ

этихъ передрягъ сдѣлалась нездорова. Доложили объ этомъ матери. Мать ея, какъ ни была тверда характеромъ, испугалась, боясь лишиться своей любимицы. Не зная что̀ предпринять, она призвала на совѣтъ господина К***, котораго очень уважала. Тотъ, узнавъ въ чемъ дѣло, покачалъ головой и говоритъ:

— Да что̀ же я буду дѣлать?

— Дочь моя очень уважаетъ васъ; подите поговорите съ ней, урезоньте; я увѣрена что она васъ послушаетъ.

— Извольте, схожу, поговорю.

Пошелъ къ Sophie, пробылъ тамъ съ часъ и воротясь сказалъ:

— Нѣтъ, матушка, Александра Николаевна, нѣтъ успѣха. Когда упрямая дѣвка заберетъ себѣ что̀ въ голову, такъ не выбьешь.

— Боже мой! Боже мой! Да что̀ же она вамъ сказала по крайней мѣрѣ?

— А вотъ что̀: она говоритъ что если ея не отдадутъ за Сольдана, такъ она уйдетъ; если попрепятствуютъ, то бросится изъ окна; если и въ этомъ не удастся, то уморитъ себя съ голоду.

Бѣдная мать зарыдала. Пріятель, давъ пройти нѣсколько первому порыву горести и досады, сказалъ ей:

— Послушай, матушка Александра Николаевна, одумайся и примись-ка лучше веселымъ пиркомъ да за свадебку. Ты видишь что дѣвку-то не уломаешь, такъ лучше чѣмъ дождаться срама.

— Я ничего ей не дамъ и пировъ не хочу.

— Ну, на это твоя воля; конечно когда общаго согласія нѣтъ, такъ лучше втихомолку.

Простился и уѣхалъ. Бѣдная старуха долго плакала, ходила по комнатамъ и, придя въ изнеможеніе отъ всѣхъ этихъ тревогъ, легла въ постель и не велѣла никого къ себѣ пускать. Французы говорятъ: „La nuit porte conseil“. Вставъ рано утромъ, она послала за старшимъ сыномъ и объявила ему что согласна выдать дочь за Сольдана, но что она ни во что̀ не входитъ, приданаго не дѣлаетъ, содержанія не даетъ и свадьбы у нея въ домѣ не будетъ, что дочь изъ своей комнаты можетъ отправляться прямо въ церковь, а оттуда прямо къ мужу и что она ее видѣть не хочетъ. Сынъ, зная твердость или упрямство характера своей матери, ничего ей не возразилъ и пошелъ прямо къ сестрѣ объявить ей объ этомъ.

Sophie, зная какъ мать ее любитъ и видя какъ она строго ее наказываетъ, ни на что̀ не обратила вниманія, просила брата увѣдомить ея возлюбленнаго о согласіи матери и не подумала даже какъ они будутъ жить. Братъ покачалъ головой и поѣхалъ къ Сольдану. Такъ ли онъ ему объявилъ какъ было дѣло, скрылъ ли отъ него что мать ничего не даетъ— неизвѣстно, но Сольданъ изъявилъ готовность жениться.

Оба брата и обѣ жены ихъ сжалились надъ сестрой, сдѣлали ей небогатое, но приличное приданое, наняли квартиру, отдѣлали ее просто, но со вкусомъ; напримѣръ, спальня была сдѣлана въ видѣ палатки изъ бѣлой шерстяной матеріи и отдѣлана искусственными цвѣтами.

Послѣ свадьбы мать не долго сердилась на свою фаворитку, простила ей и позволила ей съ мужемъ переѣхать къ ней въ домъ на житье. Когда мы пріѣхали въ Петербургъ, матушка, познакомившись со старою гжей Хитрово, часто бывала у нея и меня съ сестрой туда возила. Тутъ-то я имѣла случай видѣть Sophie, которая тогда была уже замужемъ и жила у матери, и однажды слышала какъ молодая гжа Хитрово разказывала при мнѣ моей матушкѣ всѣ похожденія гжи Сольданъ о которыхъ я сейчасъ говорила.

Когда меня отдали въ училище, я ее потеряла совсѣмъ изъ виду; но по выпускѣ моемъ опять съ ней свидѣлась въ домѣ молодой гжи Хитрово, ея невѣстки. Гжа Хитрово была моя благодѣтельница, платила за меня въ училище, съ матушкой моей была пріятельница, поэтому мы бывали у нея часто и встрѣчалась тамъ съ Sophie. Я слышала какъ гжа Хитрово разказывала моей матушкѣ всѣ ея продѣлки. Не знаю долго ли супружеское счастіе г. и гжи Сольданъ продолжалось, а только все что̀ я про нее слышала было не въ пользу супружескаго счастія. Однажды же, когда мнѣ случилось быть въ одной съ ней компаніи, она такъ вела себя что гжа Хитрово взяла меня за руку и увела въ другую комнату. Матушка послѣдовала за нами; обѣ онѣ очень бранили гжу Сольданъ и ея невѣстка сказала матушкѣ: „Представь себѣ, ma chère amie, она влюбилась въ одного молодаго гвардейскаго офицера; онъ ея не любитъ, а она его до того преслѣдуетъ что онъ бывало пріѣдетъ къ намъ и жалуется что не знаетъ куда отъ нея дѣваться.“ Тутъ я услышала фамилію Леонтьева.

Передавъ это все кузинѣ, я поговорила еще нѣсколько

минутъ объ всѣхъ этихъ происшествіяхъ, и затѣмъ мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Гжа Сольданъ прогостила у дяди нашего нѣсколько дней, и такъ была со всѣми любезна и внимательна что пріобрѣла общее расположеніе, даже и Варвары Сергѣевны. Въ сей послѣдней она наиболѣе выиграла тѣмъ что восхищалась Сонюшкой, маленькою воспитанницей Варвары Сергѣевны, безпрестанно ласкала ее и дарила. Гжа Сольданъ тоже называлась Софьей, и еслибы мы не знали навѣрное кто была Сонюшкина мать *, то по обращенію гжи Сольданъ съ этимъ ребенкомъ можно было бы подозрѣвать что это ея дочь.

Гжа Сольданъ объявила что намѣрена пробыть въ Ростовѣ нѣсколько времени, пока увидитъ какъ дѣла пойдутъ съ непріятелемъ и тогда подумаетъ куда ей лучше дѣваться на время войны.

Оставлю эту госпожу на нѣсколько времени, и разкажу другія происшествія случившіяся въ это время.

У свекра моего было имѣніе по близости дядинаго, гдѣ мы гостили. Тамъ тоже былъ церковный праздникъ, и крестьяне очень упрашивали свекра чтобъ онъ со всѣмъ семействомъ пріѣхалъ къ нимъ въ гости дня на три; свекоръ мой согласился и мы поѣхали въ село Сав... Крестьяне были очень зажиточные, имѣли прекрасныя избы, въ два этажа, просторныя и чистыя; дворы огромные крытые, хотя темные, но комнаты свѣтлыя. Для насъ были приготовлены двѣ у старосты; звали его Ѳедоръ Зарубинъ. Отведено было мѣсто для кухни, съ нами былъ поваръ, и къ нему-то со всѣхъ сторонъ приносились разнаго рода припасы съѣстные, которыми конечно воспользовались болѣе наши служители нежели мы сами. Близь Ростова были богатыя имѣнія графа Шереметева, графини Орловой, Кара и прочія. Крестьяне свекра считали за особую честь брать невѣстъ изъ тѣхъ имѣній. Съ каждаго двора главы семействъ приходили поочередно представляться со своими женами къ намъ и приносили на поклонъ сахаръ, чай, кофе, медъ, полотенца и проч.; изъ каждаго почти двора старшіе сыновья жили въ Петербургѣ и торговали въ извѣстныхъ Милютиныхъ лавкахъ. Представляющіеся всѣ были богато и красиво одѣты, особенно женщины.

---

* У Варвары Сергѣевны былъ портретъ Сонюшкиной матери, на который Сонюшка отмѣнно была похожа.

Хозяинъ нашъ, староста Зарубинъ, былъ вдовецъ, и вмѣсто жены привелъ съ собой представить свою невѣстку, жену старшаго своего сына, Александра Ѳедорова Зарубина. Онъ былъ крестникъ моего свекра, и имя дано ему по назначенію крестнаго отца. Онъ большею частію жилъ въ Петербургѣ, но ежегодно пріѣзжалъ повидаться съ семьей и дать отцу отчетъ въ своей торговлѣ. Онъ взялъ жену изъ Шереметевскаго имѣнія и очень тѣмъ кичился. Она была не хороша собой, но имѣла пріятное и доброе выраженіе лица. Она была богато одѣта и принесла намъ всѣмъ по подарку своей работы, тонкія полотенца съ хорошими кружевами. Съ ними пришла одна особа которую мы не знали за что̀ принять: ни барыня, ни крестьянка если судить по костюму; на ней былъ капотъ изъ прекрасной шелковой матеріи, обшитый весь широкими бѣлыми блондами; на головѣ былъ повязанъ шелковый платокъ, очень ловко и уютно. Наконецъ дѣло объяснилось: это была родная сестра Анны Зарубиной, невѣстка нашего старосты. Она живетъ въ Москвѣ у мужа, который тамъ чѣмъ-то торгуетъ, и пріѣхала въ деревню повидаться съ родными; бывши здѣсь на праздникѣ, она пожелала также имѣть счастіе намъ представиться. Она была собой хороша; черты лица и цвѣтъ кожи напоминали скорѣе дворянку нежели крестьянскую жену; но вся эта красота помрачалась необыкновенно черными зубами.

Надобно сказать что мы въ Сав... пріѣхали вечеромъ, и въ скоромъ времени улеглись спать напившись чаю, и не видали никого кромѣ старосты, хозяина той избы которая была приготовлена для насъ. На другой день были у обѣдни, служили молебенъ о спасеніи Россіи; когда мы вернулись на нашу квартиру, священникъ съ причтомъ пришелъ насъ поздравить съ пріѣздомъ, пилъ у насъ чай и много интересовался *Французомъ*. Свекоръ мой старался его успокоить и обнадежить скорымъ выходомъ непріятеля изъ Москвы если не изъ Россіи; но и самъ не очень былъ спокоенъ и не могъ надивиться почему Наполеонъ сидитъ въ Москвѣ при ежедневной иллюминаціи горѣвшей столицы. Священникъ ушелъ, начались представленія крестьянъ; съ каждымъ надобно было поговорить; кого привѣтствовать за подарокъ, кого похвалить за аккуратную жизнь, а иного и побранить за недоимки и пр. (имѣніе было оброчное). Это продолжалось до обѣда.

Послѣ обѣда свекоръ легъ отдыхать, а мы кое о чемъ между собой болтали. Стало смеркаться, это было въ сентябрѣ, на улицѣ тоже стемнѣло, вдругъ мы услышали по деревнѣ громкіе возгласы, шумъ, крики; мы отворили окна и слышимъ: „Берете его! Бейте его"! Среди криковъ слышимъ голосъ: „Я не мамоновецъ! ведите меня къ барину!" и отзывалось иногда бряцаніе сабли. Мы не знали что̀ подумать, вся эта суматоха приблизилась къ дому, свекоръ отворилъ окно и спросилъ что̀ такое; крестьяне въ нѣсколько голосовъ отвѣчали: „Это мамоновецъ! Разбойники мамоновцы видно близко!" Между крестьянами стояла хорошая лошадь съ сѣдокомъ, вооруженнымъ саблей, охотничьимъ ножомъ и пистолетомъ, въ казакинѣ и фуражкѣ; онъ громкимъ голосомъ сказалъ свекру моему: „Нѣтъ, сударь, я не мамоновецъ, я присланъ къ вамъ отъ моей барыни, прикажите меня къ вамъ пропустить!" Свекоръ мой приказалъ старостѣ отослать народъ и человѣка привести къ нему, а лошадь прибрать. Между тѣмъ комнаты освѣтились, и только-что староста ввелъ вооруженнаго въ комнату, какъ я первая вскрикнула: „Ахъ, Васька Цыганъ! откуда ты? Гдѣ маменька?" Тотъ, увидѣвъ и услышавъ меня, бросился ко мнѣ, поцѣловалъ у меня руку и сказалъ: „Маменька въ Ростовѣ, а вотъ къ вамъ письмо!" Я схватила письмо, въ немъ было нѣсколько строкъ, матушка увѣдомляла что она проѣздомъ чрезъ Ростовъ пробудетъ два дня для того чтобы видѣться со мной. Я прослезилась, зная что мы здѣсь на три дня и я не увижусь съ матушкой. Свекоръ мой, узнавъ о причинѣ моихъ слезъ, засмѣялся и сказалъ: „Вотъ очень важная остановка, да мы завтра тотчасъ послѣ чаю поѣдемъ!"

Я ужасно обрадовалась, а свекоръ мой началъ дѣлать свои распоряженія по случаю нашего неожиданнаго отъѣзда. Онъ позвалъ старосту и сказалъ:

— Ну, Ѳедоръ, нечего дѣлать, прежде срока надо ѣхать, къ моей невѣсткѣ пріѣхала матушка, ее тоже *Французъ* выгналъ изъ Вяземской деревни.

— Вѣстимо, родимый, что надо ѣхать повидаться. Бѣдная моя, и она не ушла отъ злодѣя.

— Ѳедоръ, возьми этого человѣка къ себѣ, угости его и лошадь его накорми.

— Покорно благодарю, сударь. Ну, сударь, а ужь мужички ваши чуть не угостили было меня важно: не будь тамъ

старосты, то и поминай какъ звали Цыгана! и все кричатъ: „мамоновецъ, мамоновецъ“, а кто такой этотъ мамоновецъ, Богъ вѣсть, отъ роду не слыхивалъ и брани такой!

Мы очень смѣялись.

— Поди, отдохни, попируй на праздникѣ, теперь знаютъ что ты не мамоновецъ, а завтра рано отправляйся къ своей барынѣ и доложи ей что вслѣдъ за тобою будемъ.

— Слушаю, сударь!

— Василій поцѣлуй отъ меня у маменьки ручку.

— Слушаю сударыня!

И поклонясь низко, вышелъ.

Васька Цыганъ былъ дворовымъ человѣкомъ моего отца и главнымъ начальникомъ псовой охоты, о которой я слыхала что она была въ отличномъ порядкѣ. Почему звали его Цыганомъ. Можетъ-быть потому что вся семья имѣла въ себѣ цыганскія черты лица, особенно отецъ его, сестра и онъ самъ. Василій находился въ числѣ вооруженныхъ дворовыхъ, которые сопровождали матушку во время бѣгства ея отъ Наполеона.

Теперь надобно объяснить что̀ за слово *мамоновецъ*, игравшее большую роль въ происшествіи съ Васькой Цыганомъ. Когда Наполеонъ сталъ заходить внутрь Россіи, то графъ Мамоновъ спросилъ у императора Александра I позволеніе составить полкъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей, обмундировать и содержать на свой счетъ; императоръ позволилъ. Этотъ полкъ формировался кажется въ Костромской губерніи. Не знаю былъ ли этотъ полкъ когда-нибудь въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но извѣстно что повсюду гдѣ Мамоновскій полкъ проходилъ, онъ дѣлалъ ужасныя притѣсненія жителямъ деревень и разныя безчинства, и одно имя *мамоновца* наводило ужасъ на обывателей. Говорили тогда что императоръ, узнавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ графа Мамонова и сдѣлалъ ему выговоръ, сказавъ что его полкъ вмѣсто защиты обывателей отъ враговъ, дѣлалъ имъ не менѣе вреда чѣмъ и самъ непріятель. Это будто бы такъ подѣйствовало на графа Мамонова что тотъ помѣшался.

На другой день послѣ завтрака мы уѣхали въ Ростовъ; крестьяне собрались около экипажей и до конца деревни провожали со слезами и благословеніемъ. Свекоръ мой былъ очень набожный человѣкъ: какъ самъ вѣрилъ, такъ и крестьянъ обнадеживалъ что Сергій Чудотворецъ и Ростовскіе Угодники не допустятъ сюда врага.

Свиданіе наше съ матушкой было трогательно: мы не имѣли другъ о другѣ никакого извѣстія, не чаяли когда-нибудь увидѣться. Матушка разказала мнѣ свое путешествіе.

Я описывала уже обозъ съ какимъ матушка путешествовала. Она ѣхала въ коляскѣ со второю дочерью своею, Мароой, и съ двумя почетными дворовыми женщинами. Старикъ, дядя моего отца, слѣпой, подъ девяносто лѣтъ, ѣхалъ въ въ особой четырехмѣстной каретѣ съ тремя служителями, которые всегда при немъ были. Кибитка со служанками, кибитка съ поварами и поварскими снадобьями, нѣсколько вооруженныхъ дворовыхъ и нѣсколько подводъ крестьянскихъ съ разнымъ провіантомъ для людей и лошадей. Какъ только одинъ изъ возовъ съ провіантомъ опрастывался, крестьянина отпускали домой, и всѣ они повидимому съ радостію отправлялись во свояси, несмотря на слухи что *Французъ* идетъ съ огромною *силой* и по пути все бьетъ и жжетъ.

Отецъ мой, отпуская матушку, сказалъ ей чтобъ она ѣхала до Москвы и жила тамъ до тѣхъ поръ пока онъ пріѣдетъ и скажетъ ей что̀ дѣлать, но чтобъ она какъ можно чаще старалась его увѣдомлять обо всѣхъ происшествіяхъ и назначала бы аккуратнѣе мѣсто своего пребыванія, адресуя къ нему въ главную квартиру, по почтѣ или съ курьерами, не пропуская ни одного удобнаго случая. Пріѣхавъ въ Москву, матушка увидѣла что тамъ нельзя было оставаться; все выбиралось изъ Москвы. Она впала въ большое уныніе и не знала что̀ ей дѣлать и куда дѣваться. Съ горемъ поѣхала она въ соборы помолиться. Въ Успенскомъ соборѣ было много молящихся и огорченныхъ; матушка и сама не могла воздержаться отъ слезъ, видя себя въ такомъ бѣдственномъ положеніи. Она замѣтила что возлѣ нея стояли двѣ молодыя дамы, щегольски одѣтыя; онѣ часто на нее посматривали и между собой что-то говорили. Наконецъ, одна изъ нихъ подошла къ матушкѣ и спросила:

— Вы не изъ числа ли особъ которыя должны были оставить свои помѣстья по случаю вторженія Наполеона?

— Такъ точно, я вяземская помѣщица; мужъ мой, отправляя меня съ большимъ обозомъ и съ большою свитой до Москвы, велѣлъ ждать здѣсь пока онъ меня увѣдомитъ что̀ мнѣ дѣлать. Вы видите можно ли теперь оставаться въ Москвѣ.

— Да, это правда! Гдѣ вашъ мужъ?

— При главной квартирѣ.

— Онъ служитъ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же онъ тамъ?

— Онъ имѣетъ при фельдмаршалѣ хорошихъ знакомыхъ и пріятелей, которые увѣдомятъ его о приближеніи непріятеля, и когда мужъ мой увидитъ что мнѣ опасно быть въ назначенномъ имъ мѣстѣ, то онъ тотчасъ пріѣдетъ проводить меня въ болѣе безопасное мѣсто.

— Что же думаете теперь дѣлать?

— Меня безпокоитъ то что я не знаю гдѣ мнѣ основать свое мѣстопребываніе по близости Москвы, такъ чтобъ я могла находить средства увѣдомлять моего мужа о себѣ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ предложеніе. Я нанимаю дачу не далеко отъ Москвы и хотя я изъ нея совсѣмъ уже выѣхала, но я имѣю право располагать ею еще нѣсколько времени. Не угодно ли вамъ будетъ помѣститься въ ней, вамъ будетъ тамъ удобнѣе жить чѣмъ въ Москвѣ съ большою свитой.

— О! конечно, несравненно покойнѣе, и я не знаю какъ мнѣ васъ благодарить...

— Оставьте это, мы теперь всѣ находимся въ общемъ бѣдствіи и должны другъ другу помогать. Дайте мнѣ вашъ адресъ чтобъ я могла прислать вамъ приказъ на мою дачу для принятія васъ. Я вамъ пришлю еще письмо къ настоящему владѣльцу этой дачи, я увѣрена что онъ вамъ окажетъ всякую возможную услугу со своей стороны.

Матушка вырвала лоскутокъ бумаги изъ портфеля, написала карандашемъ свой адресъ и подала ей сказавъ:—Позвольте мнѣ узнать кому я столько обязана?

— Моя фамилія Свѣчина. Чрезъ часъ не болѣе вы получите все что я вамъ обѣщала. Прощайте, желаю вамъ скорѣе успокоиться!

И, поклонясь привѣтливо, скорыми шагами удалилась отъ матушки, какъ будто боясь слышать еще выраженіе благодарности.

Матушка говоритъ что эта дама была собой прекрасна и отмѣнно граціозна. По возвращеніи на квартиру матушка скоро получила отъ благодѣтельной дамы приказъ на дачу, маршрутъ какъ до нея доѣхать и письмо къ владѣльцу; выкормили лошадей и отправились. Дама не обманула

матушку, дача была преудобная во всѣхъ отношеніяхъ, владѣлецъ оной, г. Высоцкій, преобязательный. Онъ предложилъ ей, вмѣсто того чтобы покупать кормъ для лошадей, воспользоваться пастбищами и приставивъ очередной караулъ къ лошадямъ пасти ихъ. Матушка съ радостію приняла его предложеніе, и устроившись сколь возможно лучше, тотчасъ увѣдомила отца моего о всемъ съ ней случившемся.

Однажды пріѣхали къ ней гости неожиданные въ такое время и въ такомъ мѣстѣ; это были ея сосѣдки по вяземскому имѣнію и коротко знакомыя двѣ сестры Кругликовы. Матушка всегда ихъ любила, а при теперешнихъ обстоятельствахъ связи укрѣплялись и даже вражда почти прекращалась, и всѣ трое отмѣнно обрадовались другъ другу. Между прочими разговорами онѣ сказали ей что подъ ихъ покровомъ находятся теперь два пренесчастные человѣка, съ которыми не знаютъ что̀ дѣлать; это были извѣстные тогда пѣвцы, мужъ и жена Маркетти. Они были иностранцы, ни слова не знали по-русски и смертельно боялись крестьянъ, которые вообще не любили иностранцевъ, называя ихъ дармоѣдами, а теперь совершенно ихъ возненавидѣли; наказывая безъ разбора, праваго и виноватаго, поступали съ ними безчеловѣчно. Волосъ дыбомъ становится при однихъ разказахъ что̀ тогда дѣлалось. Даже многіе помѣщики пострадали за то что хотѣли нѣсколько облегчить участь этихъ несчастныхъ.

Я отвлеклась отъ Маркетти. Дѣвицы Кругликовы не могли ихъ съ собой взять, не знаю по какимъ причинамъ; однихъ ихъ пустить было невозможно, въ первой деревнѣ они сдѣлались бы жертвой разъяренной толпы. Гости упрашивали матушку не позволитъ ли она имъ со своею коляской пристать къ ея обозу, такъ какъ она ѣдетъ многолюдно, то имъ нечего опасаться подъ ея покровомъ. Матушка нѣсколько подумала, призвала прикащика Василія Гаврилова и объяснила ему въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ что этимъ иностранцамъ нельзя позволить нанимать извощиковъ со стороны, неизвѣстно какой шельма попадется, надѣлаетъ грубостей и пожалуй выпряжетъ лошадей, оставитъ на дорогѣ и надѣлаетъ всему обозу большихъ хлопотъ. Между тѣмъ онъ предложилъ что такъ какъ у многихъ крестьянъ находящихся при обозѣ опростались возы и они должны возвращаться домой, то можетъ-быть между ними найдется желающій наняться доставить сихъ

господъ въ извѣстное мѣсто, однимъ трактомъ съ нами. Предложенie это было всѣми одобрено. Василію Гаврилову приказано было тотчасъ привести въ исполненіе этотъ планъ. Чрезъ нѣсколько минутъ прикащикъ возвратился съ полнымъ успѣхомъ. Нашлась тройка свободныхъ лошадей съ вощикомъ, который согласился доставить Маркетти, кажется до Ярославля, за порядочную цѣну. Не знаю охотно ли согласился крестьянинъ везти этихъ господъ, но прикащикъ былъ всемогущъ въ имѣніи моего отца, и волей неволей мужикъ долженъ былъ везти. Кругликовы очень обрадовались что дѣло уладилось, поблагодарили матушку и уѣхали. Чрезъ нѣсколько минутъ явились оба Маркетти, мужъ и жена, упали предъ матушкой на колѣни, называли ее своею спасительницей, цѣловали руки и ноги ея. Право, я думаю что они не болѣе бы изъявляли благодарности Пію VII еслибы тотъ даровалъ имъ какія-нибудь значительныя индульгенціи. Когда они нѣсколько успокоились, матушка предложила имъ переѣхать тотчасъ къ ней, чтобы не отыскивать ихъ въ день отъѣзда. Они согласились и на другой день переѣхали.

Докончу исторію Маркетти. До самаго Ярославля они ѣхали подъ покровомъ матушки; тамъ остались. Когда все успокоилось нѣсколько въ Россіи, они начали разъѣзжать по губернскимъ городамъ давать концерты и уроки пѣнія. Въ Костромѣ madame Маркетти встрѣтилась въ одномъ домѣ съ матушкой и съ такими восклицаніями радости бросилась къ ней что многіе приняли ее за сумашедшую. По заключеніи мира съ Франціей, матушка ѣздила въ Петербургъ за меньшою дочерью Анной, ибо срокъ выпуска изъ института приближался. И тамъ madame Маркетти, услышавъ отъ кого-то матушкину фамилію, достала ея адресъ, пріѣхала къ ней съ большими изъявленіями радости и благодарности. Узнавъ что у сестры моей Анны есть голосъ, она умоляла матушку позволить ей давать той уроки и по окончаніи оныхъ не хотѣла взять никакой платы.

Вѣроятно матушкина дача была неподалеку отъ Новаго Іерусалима, потому что матушка часто туда ѣзжала; познакомилась съ архимандритомъ, который тоже навѣщалъ ее иногда, и узнавъ что отецъ мой находится при главной квартирѣ, старался узнавать отъ матушки о ходѣ дѣлъ. Онъ очень заботился о сохраненіи церковныхъ сокровищъ; слышавъ о приближеніи непріятеля, онъ желалъ увезти ихъ

подалѣе, но прежде времени не рѣшался отъѣхать отъ монастыря. Однажды онъ спросилъ у матушки, какъ она намѣрена долго здѣсь пробыть.

— Пока опасности не будетъ.

— А какъ же вы узнаете что опасность приблизилась?

— Мужъ мой пишетъ мнѣ что какъ скоро онъ замѣтитъ что мнѣ не безопасно здѣсь оставаться, онъ самъ тотчасъ пріѣдетъ и скажетъ куда мнѣ ѣхать.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего разговора, отецъ мой пріѣхалъ. Едва прошелъ часъ послѣ его пріѣзда какъ вошелъ архимандритъ. Увидѣвъ военнаго, * онъ остановился предъ нимъ въ какомъ-то недоумѣніи. Матушка подошла къ нему и отрекомендовала ему своего мужа; архимандритъ, услышавъ это, вскрикнулъ:

— Такъ это вашъ мужъ? И вѣроятно пріѣхалъ извѣстить васъ объ опасности?

— Да, ваше высокопреподобіе, я пріѣхалъ извѣстить жену что ей здѣсь оставаться нельзя болѣе. Послѣдняя битва съ Французами была подъ Бородинымъ; мы уступили поле сраженія, свернули въ сторону съ большой дороги и дали свободный путь Наполеону, который вѣрно не станетъ сидѣть въ Можайскѣ.

Архимандритъ слушалъ съ удивленіемъ, со страхомъ, вдругъ повернулся и скорыми шагами молча пошелъ къ дверямъ. Родители мои попросили его остановиться и благословить ихъ. Онъ остановился, благословилъ ихъ, сказавъ:

— Добрый вамъ путь! Прощайте! А мнѣ пора укладываться, да за добра ума выбраться.

Архимандритъ почти убѣжалъ.

Родители мои, хотя и сами были не въ веселомъ расположеніи духа, но не могли не посмѣяться надъ побѣгомъ архимандрита. На другой день отецъ мой выпроводилъ матушку съ дачи со всѣмъ ея обозомъ и велѣлъ ей ѣхать въ ея костромское имѣніе, а самъ возвратился въ главную квартиру.

Такъ матушка кончила свое повѣствованіе. Я спросила объ обѣихъ моихъ бабушкахъ и прочихъ родныхъ; матушка сказала что всѣ родные съ ея стороны уѣхали въ свои костромскія

* Отецъ мой носилъ тогда мундиръ милиціи 1807 года въ которой онъ служилъ.

имѣнія, а отцово семейство въ воронежскія помѣстья. Я не могла воздержаться чтобы не разказать матушкѣ какъ бабушка Анна Дмитріевна обрадовалась удостовѣрившись что выжжено непріятелемъ Спасское отца моего, а не тетушкино. Матушка разсердилась на свою свекровь и ужасно ее бранила.

На другой день матушка поѣхала далѣе.

Чрезъ нѣсколько дней пріѣхали въ Ростовъ и прочіе родные съ намѣреніемъ пробыть въ городѣ смотря по обстоятельствамъ. Насъ, родныхъ Леонтьева, составилось нѣсколько домовъ; были трое или четверо старшихъ, такое же количество среднихъ лѣтъ, а большею частію все молодежь. Мущинъ нашихъ было трое, остальные все дамы, къ коимъ присоединилась и госпожа Сольданъ. Она полюбила всѣхъ Леонтьевыхъ, а наше семейство въ особенности; квартира ея была отъ насъ близко, она безпрестанно бывала у насъ и называла свекра моего „ростовскій папенька“. Гжа Сольданъ была веселаго характера, пѣла прекрасно, была недурна собой, хорошо воспитана, одѣвалась довольно странно, то Татаркой, то свѣтскою дамой, то въ военный костюмъ.

У сестры Варвары Сергѣевны на квартирѣ было фортепіано, предъ которымъ на стѣнѣ повѣшенъ былъ портретъ брата ея Ивана Сергѣевича, большой, писанный масляными красками и, какъ говорили родные знавшіе его, удивительно сходный. Madame Сольданъ не могла равнодушно видѣть его, тотчасъ садилась за фортепіано и начинала пѣть извѣстный тогда романсъ:

Je t'aime tant, je t'aime tant,
Que je ne saurais assez te le dire, и проч.

Иногда дѣло доходило и до слезъ. Она не скрывала своихъ чувствъ и находила большое удовольствіе говорить съ тѣми кто зналъ его лично и могъ ей кое - что о немъ разказывать. Особенно любила она бесѣдовать о немъ съ Аннушкой, воспитанницей тетушки нашей Уваровой. Та умѣла передразнивать довольно схоже голосъ и манеры Ивана Сергѣевича и доводила гжу Сольданъ до изступленія. Въ это время въ Ростовѣ жилъ генералъ Гладковъ, который формировалъ полкъ. Онъ познакомился съ домами всѣхъ Леонтьевыхъ и часто посѣщалъ насъ. Аннушка отыщетъ его шинель, фуражку, причешетъ волосы по-мужскому

около лица и велитъ вызвать къ себѣ гжу Сольданъ Только что та покажется какъ она бросается предъ ней на колѣни, начинаетъ изъясняться ей въ любви, или бросится къ ней въ объятія, уговариваетъ ее покинуть мужа, мать, свѣтъ и бѣжать на край свѣта. Иногда дѣло доходило до дурноты. Комедія эта повторялась почти каждый разъ когда Гладковъ бывалъ у кого-нибудь изъ Леонтьевыхъ въ гостяхъ; конечно это было не при старшихъ, но молодежь вся тутъ была и потѣшалась этими сценами. Узнала объ этомъ какъ-то Варвара Сергѣевна, разсердилась и запретила.

Конечно, можно было бы проводить время не скучно еслибы мысль о страшномъ сосѣдѣ не смущала. Всякій бездѣльный случай приводилъ всѣхъ въ трепетъ. Однажды ночью гжа Сольданъ прислала человѣка, велѣла разбудить моего свекра и сказать ему что она еще не ложилась спать и слышитъ пальбу. Свекоръ мой не очень повѣрилъ этому и, будучи разсерженъ что его разбудили, сказалъ человѣку: „Барыня твоя лучше бы сдѣлала еслибы послала тебя къ генералу Гладкову чѣмъ ко мнѣ; что̀ я могу сдѣлать если и въ самомъ дѣлѣ это пальба?“ Гжа Сольданъ послала къ Гладкову. Свекоръ улегся опять спать, но мы, женщины, трусихи, дожидались рѣшенія генерала Гладкова. Онъ пріѣхалъ прямо къ гжѣ Сольданъ, которая подтвердила что пальба продолжается, хотя и не регулярно. „Странно“! сказалъ вполголоса Гладковъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послышалось точно что-то въ родѣ пальбы, сначала довольно часто, потомъ раза два или три изрѣдка. Гладковъ сказалъ: „Похоже на пальбу для непривычныхъ ушей; но это не пальба, а должно-быть что-нибудь другое и даже близко около дома; прикажите призвать хозяина“. Когда тотъ пришелъ, Гладковъ сказалъ ему: „Возьмите съ собой генеральшина лакея и еще кого-нибудь изъ своихъ, осмотрите повнимательнѣе около дома, нѣтъ ли чего-нибудь; здѣсь слышенъ непріятный стукъ который мѣшаетъ спать вашей постоялицѣ.“ Въ самое это время услышали удары нѣсколько разъ повторяемые. „Слышу“, сказалъ хозяинъ и, кажется догадываясь что̀ такое, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, лакей за нимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ все объяснилось. Хозяинъ побѣжалъ прямо на чердакъ и увидѣлъ что толстая деревянная ставня ужасно хлопала отъ вѣтра. Предъ вечеромъ вѣшали бѣлье на чердакѣ, а оконничную ставень забыли притворить; когда ее заперли, пальба кончилась. Гладковъ пожелалъ гжѣ Сольданъ доброй

ночи и уѣхалъ. Мы послали къ ней дѣвушку чтобъ узнать чѣмъ кончилось дѣло. Когда намъ разказали, мы много смѣялись и долго не могли заснуть.

Этотъ глупый случай надѣлалъ по городу смѣха на нѣсколько дней; особенно купцы и мѣщане смѣялись надъ трусостью дворянъ. Чрезъ нѣсколько дней мы, то-есть дворяне, взяли свою *revanche*.

Въ Ростовѣ жили два гвардейскіе офицера, раненые подъ Бородинымъ, не очень тяжело, и лѣчились у тамошняго доктора * который считался искуснымъ. Они познакомились съ нами и довольно часто насъ навѣщали. Хотя и помню ихъ фамиліи, но не назову, потому что это для дѣла не нужно; однако опишу ихъ, потому что они довольно оригинальны. Одинъ изъ нихъ былъ предлиннаго роста, худощавый, нескладный, весьма недальняго ума, безпрестанно говорилъ и все глупости, еще вдобавокъ забрызгаетъ слушателя слюнями. Другой былъ совершенною противоположностью; не великъ ростомъ, толстый, круглый, лицо одутловатое, никогда ничего не говорилъ, все пыхтѣлъ и надувался; если когда и вымолвитъ слово, то въ ту же минуту сожметъ въ кучку губы и замолчитъ.

Однажды, въ концѣ сентября, всѣ собрались къ намъ; пришли и два офицера; весь вечеръ кое-чѣмъ занимались и очень много смѣялись тому что гжа Сольданъ принесла съ собой очень хорошенькій мужской портфель, въ которомъ былъ вдѣланъ ея портретъ, прекрасной миніатюрной работы, отмѣнно похожъ и мило отдѣланный. Всѣ его разсматривали и любовались. Гжа Сольданъ обращается къ офицерамъ и спрашиваетъ:

— Господа, скоро ли вы поѣдете въ армію?

— Да, теперь скоро; намъ обоимъ гораздо лучше. Да на что̀ вамъ это знать?

— Я хотѣла бы послать съ вами этотъ портретъ къ моему мужу, но боюсь какъ бы онъ не пропалъ.

— Вотъ какой вздоръ; да кому нуженъ вашъ портретъ? говоритъ одинъ офицеръ.

Общій смѣхъ.

— Ахъ! помилуй что̀ ты говоришь, вступается другой офицеръ,—всякій сочтетъ за счастіе имѣть такой прекрасный портретъ.

---

* Ѳедоръ Ивановичъ Веберъ.

Всѣ скромно улыбались и закусывали губы.

— Г. В***, по вашимъ словамъ надобно думать что вы его бросите, а по вашимъ, г. К***, полагать надо что вы его оставите у себя, а потому я своего портрета ни тому, ни другому изъ васъ не поручу.

И положила его въ карманъ.

Поужинавъ всѣ стали собираться разойтись по своимъ квартирамъ; погода была прекрасная, хотя и сентябрьская: тихо, легонькій морозецъ, луна во всей красѣ. Вся молодежь пошла провожать гжу Сольданъ до ея квартиры, и оба офицера съ нами. Всѣ одѣты были въ чемъ попало; двѣ изъ дамъ надѣли офицерскія фуражки, а офицеры съ открытою головой; кто-то надѣлъ шинель г. К***, кто куцавейку навыворотъ, кто длинную шаль съ головы до ногъ, гжа Сольданъ была въ татарскомъ костюмѣ. Вся толпа говорила, смѣялась, часто мѣнялась французскими словами, и въ странныхъ костюмахъ, при лунномъ свѣтѣ, казалась чѣмъ-то фантастическимъ. Идя по улицѣ, мы замѣчали что въ нѣкоторыхъ домахъ отворялись окна и вдругъ опять запирались наскоро. Когда мы подходили къ квартирѣ гжи Сольданъ, луна такъ велчиаво выступила изъ-за монастыря что мы невольно всѣ вскрикнули, и гжа Сольданъ не выдержала, стала на колѣни среди улицы и начала, обратясь къ лунѣ и сложа руки, пѣть въ честь ея какой-то гимнъ, который начинался, какъ мнѣ помнится, сими словами:

Oh, lune! sensible amie des amants malheureux,
Lune! douce et chérie! viens éclairer ces lieux! и т. д.

Вдругъ мы услышали топотъ скачущей по улицѣ лошади, офицеры сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ на встрѣчу, всадникъ подскакалъ и спросилъ у нихъ: „Кто вы“? Офицеры засмѣялись и отвѣчали:—Наше почтеніе, г. С.м.н.вс.к.й. Это былъ ростовскій полицеймейстеръ.

— А, это вы! Да что̀ тутъ за шумъ? И какая тамъ толпа. Мы всѣ захохотали. Онъ сошелъ съ лошади и подошелъ къ намъ.

— Помилуйте, сударыня, что̀ вы это дѣлаете! Вы навели такой страхъ на нашихъ купцовъ и мѣщанъ что нѣкоторые прибѣжали ко мнѣ какъ полоумные и увѣряютъ что разные подозрительные люди ходятъ по улицамъ, говорятъ на иностранномъ языкѣ; вѣроятно Французы ночью въ

тихомолку подкрались, высматривають мѣстность, или хотятъ поджечь городъ. Для успокоенія ихъ я долженъ былъ ѣхать на указанное мѣсто.

Мы много смѣялись и разказали ему въ чемъ дѣло. Онъ и самъ съ нами смѣялся, съ любопытствомъ осматривая наше странное одѣяніе; потомъ пожелалъ намъ покойной ночи, прибавивъ что онъ не совѣтуетъ намъ повторять подобныхъ ночныхъ сценъ, потому что мѣщане въ другой разъ вздумаютъ сами расправиться съ искателями приключеній. Потомъ, обратясь къ офицерамъ, пригласилъ ихъ идти съ нимъ и удостовѣрить кучу мѣщанъ и купцовъ стоявшихъ поодаль что они не Французы. Они за нимъ послѣдовали, подошли къ толпѣ, что-то съ ними поговорили, и все разошлось, улица опустѣла, все затихло.

Скажу нѣсколько словъ объ отцѣ моемъ. Нѣсколько дней спустя по занятіи Москвы Французами, отецъ мой пробрался мимо Москвы окольными дорогами, выбрался на большакъ и поѣхалъ въ Костромское матушкино имѣніе. Ростовъ онъ проѣхалъ ночью, по сей причинѣ я съ нимъ не видалась. Меня обо всемъ этомъ извѣстили письмомъ изъ Костромской деревни.

Наконецъ, насталъ радостный часъ. Счастливая вѣсть что Наполеонъ оставилъ Москву и пошелъ къ Калугѣ и къ Орлу промчалась какъ вихрь чрезъ Ростовъ и далѣе. Сначала мы пріуныли узнавъ что Наполеонъ пробирается въ нашу губернію; своя рубашка къ тѣлу ближе, тамъ было наше имѣніе, боялись того же что̀ было со всѣми имѣніями по Смоленской дорогѣ. Однако наше уныніе было непродолжительно: вѣсти о двухъ славныхъ побѣдахъ одержанныхъ надъ Французами подъ Тарутинымъ и Мало-Ярославцемъ насъ оживили и, наконецъ, извѣстіе что непріятеля прогнали изъ-подъ Мало-Ярославца на прежній его путь, которымъ онъ прибылъ въ Москву, насъ совершенно успокоило.

Курьеры попрежнему скакали безпрестанно чрезъ Ростовъ къ принцессѣ Ольденбургской; также забѣгали въ Яковлевскій монастырь, ихъ также окружали, осыпали вопросами; отвѣты были большею частію благопріятные, непріятеля гнали почти безъ отдыха. Многіе спрашивали о своихъ боясь между тѣмъ отвѣта; но и тутъ очень грустнаго не слыхали: тотъ-то живъ, слегка раненъ, получилъ крестъ, другой произведенъ, иной отличился славно и получилъ

награду прямо изъ рукъ царя, и тому подобное. Церкви наполнены были молящимися; служили частные молебны, отъ общихъ благодарственныхъ молебствій за побѣды колокола безпрестанно оглашали воздухъ. Знакомые ходили другъ къ другу, разказывали разныя новости, на улицахъ безпрестанно стояли кучками, и какой-нибудь ораторъ извѣщалъ внимательно слушавшую толпу обо всѣхъ происшествіяхъ случившихся и не случившихся. Между тѣмъ получили извѣстіе что Иванъ Сергѣевичъ произведенъ въ генералъ-майоры. Какъ семейство его, такъ и родные очень порадовались, а гжа Сольданъ плакала отъ радости и тотчасъ побѣжала въ монастырь служить благодарственный молебенъ. Возвратясь оттуда, она подошла къ моему свекру и говоритъ ему:

— Ахъ! папенька Ростовскій! какъ я счастлива и какъ довольна теперь; я такъ усердно молилась и благодарила Бога. Не правда ли, папенька, что Богъ вмѣсто того чтобъ огорчать насъ, лучше бы сдѣлалъ еслибы посылалъ намъ чаще радости; въ радости всегда усерднѣе молимся чѣмъ въ горести!

— Полно, матушка, пустяки-то болтать; надобно еще знать стóитъ ли человѣкъ того чтобъ ему посылать безпрестанныя радости!

— И то правда, папенька!

Гжа Сольданъ стала поговаривать о своемъ отъѣздѣ, и однажды сказала что ей хочется здѣсь говѣть, что здѣсь удобнѣе и покойнѣе чѣмъ въ Петербургѣ; обратясь къ моему свекру сказала:—Какъ вы думаете, папенька, о моемъ говѣньи?

— Очень хорошо сдѣлаешь, моя милая.

— Позвольте мнѣ призывать священника для разной службы къ вамъ на квартиру, а не къ себѣ.

— Для чего же ты не хочешь имѣть службы у себя въ домѣ?

— Вотъ почему: вопервыхъ, я ничего не знаю, и если попъ недобросовѣстенъ, то онъ мнѣ будетъ дурно служить; при васъ онъ не осмѣлится, онъ знаетъ что вы не хуже его знаете церковный уставъ. А притомъ же, добрый папенька, вы.... такіе богомольные... такіе праведные, вы помолитесь за меня, не правда ли?... Вѣдь я большая грѣшница.

— Изволь, матушка, я согласенъ, пусть служба будетъ въ моемъ домѣ, я радъ молиться за всякаго добраго христіанина!

Гжа Сольданъ постилась и молилась отъ души; мы всѣ волей-неволей присутствовали при всенощныхъ. Священникъ былъ приглашенъ приходскій, и такой былъ оригинальный въ своихъ манерахъ что бывало чтобы не расхохотаться во время службы уходили въ другую комнату пока въ волю насмѣешься. Этотъ священникъ зналъ хорошо всѣхъ Леонтьевыхъ, особенно стариковъ, потому что они ростовскіе уроженцы; онъ имѣлъ привычку когда кланялся непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ присѣдать; можно ли было воздержаться отъ смѣха когда онъ, кадя во время всенощной, сперва обращается къ моему свекру и кадя къ нему кланяется, присѣдаетъ и говоритъ: „Вамъ батюшка Борисъ Ивановичъ!“ потомъ къ тетушкѣ нашей Уваровой: „Вамъ, ваше превосходительство! * къ намъ молодежи, которые конечно стояли всегда вмѣстѣ: „Вамъ, мои дѣтушки!“ наконецъ, къ гжѣ Сольданъ: „Вотъ и тебѣ матка“.

Насталъ день причащенія; наканунѣ гжа Сольданъ просила у всѣхъ прощенія и скрылась. Она исповѣдалась у монаха Амфилохія, извѣстнаго, я думаю, по всей Россіи гробоваго при ракѣ Св. Димитрія Ростовскаго. Она желала чтобы наше семейство было у обѣдни; натурально что мы не пропустили этого случая посмотрѣть какъ петербургская *grande-dame* причащается. День былъ воскресный, въ монастырѣ молящихся всякаго сословія было много. Войдя въ церковь, она обратила на себя общее вниманіе. Она была въ простомъ, но прекрасномъ бѣломъ платьѣ; волосы русые причесаны просто, гладко, безъ чепчика, но прелестный кружевной вуаль былъ обколонъ вокругъ головы и покрывая, но не закрывая всей таліи, спускался ниже колѣнъ. Подлинно она была хороша; грустная, утомленная, блѣдная, она медленно подошла къ амвону и стала на колѣни. Я увѣрена что и самый злѣйшій врагъ ея не могъ не признать въ ней въ эту минуту кающуюся и все прекрасную Магдалину.

Въ продолженіе всей обѣдни она часто становилась на колѣни и много плакала. Когда вынесли Св. Дары, она почти безъ чувствъ упала на амвонъ; пока архимандритъ читалъ причастную молитву, присутствующіе слышали только глухіе стоны издаваемые причастницей. По окончаніи молитвы, архимандритъ сказалъ ей: „встань“! Она

* Тетушка была вдова генерала.

не вставала. Тогда архимандритъ, обратясь къ моему свекру стоявшему по близости, сказалъ: „помогите ей встать"! Свекоръ нагнулся къ ней и что-то вполголоса сказалъ ей. При помощи свекра она съ трудомъ приподнялась, блѣдная и заплаканная, и едва стояла на ногахъ. Мы между тѣмъ приготовили ей стулъ; тотчасъ по причащеніи усадили и окружили ее. По окончаніи службы, принявъ сидя ото всѣхъ поздравленіе, она сказала намъ что поѣдетъ домой раздѣться и отдохнуть, а обѣдаетъ у насъ.

Гжа Сольданъ пробыла у насъ до вечера; хотя старалась по обыкновенію быть веселою и привѣтливою, но видно было что это принужденно; она совсѣмъ была не та. Въ этотъ день всѣ родные обѣдали у насъ; гжа Сольданъ, сказавъ что она очень устала, простилась очень любезно со всѣми и ушла къ себѣ ранѣе обыкновеннаго.

На другой день двоюродная сестра Варвара Сергѣевна чрезъ полицеймейстера получила письмо отъ гжи Сольданъ. Она увѣдомляла ее что когда письмо получится, она будетъ уже далеко: она отправляется въ Петербургъ; благодаритъ всѣхъ за ласку, извиняется что лично этого не сдѣлала, оправдываясь тѣмъ что боялась при прощаніи растрогаться и насъ всѣхъ обезпокоить, что она такъ къ нимъ привыкла и такъ насъ полюбила что грустно было разставаться. Просила насъ не забывать ее.

Мы удивились и пожалѣли о ней; она очень оживляла наше общество и такъ ко всѣмъ была внимательна что оставила о себѣ пріятное воспоминаніе. Отъ полицеймейстера мы узнали что она заблаговременно предупредила его о своемъ отъѣздѣ, просила его все къ тому времени приготовить, но никому не сказывать. Все такъ и случилось, и съ тѣхъ поръ я болѣе не встрѣчала гжу Сольданъ, но слышала о ней и разкажу объ этомъ въ свое время.

Скажу нѣсколько словъ о себѣ. Беременность начинала ужасно меня тяготить, наводила на меня тоску, въ характерѣ моемъ стали оказываться капризы, и я, опасаясь надѣлать кому-нибудь непріятностей, еще болѣе стала удаляться ото всѣхъ и совсѣмъ одичала. Однажды я была очень обрадована пріѣздомъ брата моего Владиміра въ Ростовъ. Мы оба любили другъ друга, несмотря на то что онъ на нѣсколько лѣтъ былъ моложе меня; но мы двое всегда жили дома (двѣ другія наши сестры жили у двухъ бабушекъ), и когда я

начала понимать уже горькую мою жизнь, я не разъ сидѣла подлѣ него и плакала послѣ случившейся какой-нибудь катастрофы со мной или съ матушкой; онъ не понималъ меня, но пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза и цѣловалъ меня.

Когда братъ вошелъ, я такъ была удивлена что нѣсколько секундъ не могла вѣрить своимъ глазамъ; я его оставила въ Петербургѣ на службѣ въ Министерствѣ Юстиціи. Въ новомъ семействѣ моемъ никто его не зналъ, и смотрѣли на него странно; онъ былъ робокъ, ему было только пятнадцать лѣтъ; наконецъ я образумилась, бросилась къ нему на шею и заплакала, и нѣсколько опомнившись начала рекомендовать его моимъ роднымъ. Я увела его въ другую комнату и спросила: „откуда ты?“

— Изъ Костромы.

— А въ Кострому какъ попалъ?

— А вотъ какъ! ты знаешь что я служилъ у министра Юстиціи *; со мной вмѣстѣ служилъ, если ты помнишь, cousin нашъ Voldemar Лыкошинъ, дѣла большаго у насъ не было; когда Наполеонъ вошелъ въ Россію, мы захотѣли вступить оба въ военную службу и списались со своими родителями; они намъ позволили; тогда мы пришли оба къ министру и объявили ему наше намѣреніе: онъ намъ отвѣчалъ что намѣреніе наше такъ похвально что противъ него нечего сказать, и тотчасъ велѣлъ выдать намъ отставки; откланявшись министру, мы простились съ Лыкошинымъ, и каждый изъ насъ поѣхалъ къ своимъ.

— Да какъ же ты узналъ что наши въ Костромѣ?

— Батюшка увѣдомилъ о своемъ мѣстопребываніи дядюшку, который живетъ въ Петербургѣ, помнишь?

Я кивнула головой вмѣсто отвѣта.

— А знаешь ли зачѣмъ я пріѣхалъ? Увезти тебя съ собой; батюшка хочетъ непремѣнно чтобы ты жила у него, а не здѣсь.

Я не знаю какъ объяснить все что̀ я тогда чувствовала; въ головѣ сдѣлалось мутно, въ сердцѣ и въ разсудкѣ сталкивались безпрестанно разныя противоположныя чувства: хотѣлось быть съ матерью и съ братомъ, боялась отца; и съ новою семьей грустновато было разстаться, она была такъ добра ко мнѣ; отъ мужа нѣтъ извѣстія, и объ ополченіи Калуж-

* Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, извѣстный писатель.

скомъ не было слуха. Что̀ дѣлать? отъ кого я завишу? кому повиноваться? Я думала, молчала, чуть не плакала; братъ между тѣмъ вынулъ изъ кармана письмо и сказалъ: „Вотъ письмо отъ батюшки къ твоему свекру, пойду, отнесу къ нему“. Ушелъ; я нѣсколько успокоилась; думаю: „ну! какъ хотятъ старшіе! какъ велятъ, такъ и будетъ!“ Тогда я не смѣла еще располагать собой; я взяла свою волю на 35 году, а тутъ я сидѣла и ждала своего приговора. Вошелъ мой свекоръ и всѣ сестры. У всѣхъ лица были сконфужены; свекоръ даже сердитъ былъ, обратясь ко мнѣ спросилъ: желаю ли я ѣхать къ своимъ родителямъ; прибавивъ что̀ онъ мнѣ не запрещаетъ, но не совѣтуетъ, потому что теперь дорога очень дурна (это было въ октябрѣ); экипажъ тряскій (братъ пріѣхалъ въ бричкѣ безъ рессоръ), а въ моемъ положеніи это опасно.

— Какъ прикажете, батюшка.

— Если ты предоставляешь мнѣ на волю, то я тебя не пущу. (Обратясь къ брату.) Потрудитесь сказать вашему батюшкѣ что въ теперешнемъ положеніи сестры вашей нельзя рисковать ѣхать въ тряскомъ экипажѣ. Вотъ какъ настанетъ первый путекъ, тогда можно будетъ ѣхать! А между тѣмъ, не получимъ ли извѣстія отъ ея мужа; или можетъ-быть и самъ пріѣдетъ.

Братъ молчалъ; ему нечего было дѣлать; слишкомъ былъ молодъ чтобы дѣлать возраженія, хотя ему и хотѣлось чтобъ я съ нимъ ѣхала. Сестры были рады что я осталась; отчасти и сама я была довольна остаться, такъ я боялась свиданія съ отцомъ. Съ вечера братъ простился со мной и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько дней я получила отъ матушки письмо, въ которомъ она мнѣ излагала весь гнѣвъ моего отца на свекра моего и на меня за то что я не поѣхала. Это письмо очень меня растревожило; но молодость и попеченіе добраго семейства вскорѣ заставили меня успокоиться. Я отвѣчала матушкѣ, чрезъ нее просила прощенія у отца, и по волѣ моего свекра, который видѣлъ мое огорченіе при полученіи грознаго письма, я свалила всю вину на него и просила чтобы по пути прислали за мной.

Въ это время въ Ростовѣ формировался полкъ; старшихъ офицеровъ было немного; бо́льшая часть была молодыхъ, кадетовъ, только что выпущенныхъ изъ корпусовъ. Они начали помаленьку знакомиться съ городскими жителями, у

коихъ поочередно давались вечера. Къ намъ преимущественно ходили двое; одинъ изъ нихъ былъ очень порядочный молодой человѣкъ, и несмотря на его робость и дикость въ немъ былъ замѣтенъ умъ. Товарищъ же его былъ очень простъ и потѣшалъ насъ своими глупостями.

Въ Ростовѣ тогда же жилъ одинъ раненый гвардейскій полковникъ, кажется изъ коннаго какого-то полка; онъ былъ раненъ въ руку, и когда ему стало лучше, онъ тоже познакомился съ нѣкоторыми домами. Онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе въ этомъ городкѣ: очень красивый мущина, средняго роста, прекрасная фигура; черты лица тонкія, правильныя, прекрасный русый цвѣтъ волосъ; глаза темные, отмѣнно выразительные, пріятная улыбка; въ манерахъ что-то отличное отъ прочихъ бывшихъ тамъ военныхъ; онъ былъ всегда одѣтъ въ военномъ сюртукѣ и у раненой руки весь рукавъ завязывался черными бантиками, а рука поддерживалась чернымъ платкомъ перевязью. Онъ говорилъ не много, но если случалось ему говорить о чемъ-нибудь занимательномъ для него, отмѣнно одушевлялся; лицо его всегда блѣдное принимало краску и изображало каждое чувство. Большею частію онъ сидѣлъ возлѣ играющихъ въ карты, самъ не игралъ; раненый въ лѣвую руку, онъ не могъ держать картъ, и не танцовалъ когда бывали танцовальные вечера. Однажды онъ рѣшился провальсировать держа даму одною правою рукой; онъ не могъ сдѣлать болѣе одного круга, голова закружилась отъ слабости, однако очень замѣтно было что онъ долженъ былъ прекрасно танцовать.

Вотъ и путь насталъ (тогда зима рано началась на бѣду de la grande armée), того и гляди что пришлютъ изъ Костромы за мной. Авось либо письма будутъ, но не тутъто было; ни присылки, ни писемъ, ни мужа. Отъ чего же я была спокойна? отъ чего меня тогда ни что̀ не страшило? Я думаю не отъ беременности ли моей я сдѣлалась равнодушна ко всему. Это несносное и новое для меня положеніе привело меня въ какое-то странное настроеніе; я не знала что̀ мнѣ дѣлать, куда дѣваться, кажется зарылась бы въ какую-нибудь пещеру чтобы никого не видать; ни что̀ меня не интересовало, ни что̀ не занимало, одно только чтеніе заставляло его забывать. Свекоръ меня очень любилъ и сестры тоже, но я полагаю что это по

памяти прошедшаго времени, когда я была и здоровѣе, и веселѣе, и привѣтливѣе, умнѣе, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Однажды какъ-то собрались всѣ у насъ, одни родные, постороннихъ никого; отъ нечего дѣлать вздумали гадать, то-есть глядѣть въ зеркало. Всѣ садились по-очереди, кромѣ меня. Я не могла читать; комнатъ у насъ было мало, вездѣ ходили, говорили; и я по обыкновенію сидѣла въ углу, вязала чулокъ и смотрѣла на все какъ на спектакль. Всѣ смотрѣвшіе въ зеркало увѣряли что видятъ, разказывали всякія небылицы; наконецъ забыли о зеркалѣ и занялись другимъ. Въ этой комнатѣ опустѣло, осталась одна я. Немного спустя вошла старшая моя золовка, дѣвушка лѣтъ 27; она была умна, но флегматикъ, холодная, разсѣянная, довольно молчаливая. Тихо подошла она къ зеркалу, сѣла напротивъ и стала пристально вглядываться. Я, видя что можно почитать немного, схватила книгу и прочитала нѣсколько листовъ, какъ слышу что она внятно и протяжно сказала: „Вижу". Это меня удивило; я никогда не вѣрила никакимъ гаданьямъ, а между тѣмъ такъ много наслышалась всякаго страшнаго о нихъ вздора что съ малолѣтства возненавидѣла ихъ и даже въ шутку никогда этимъ не занималась. Но въ эту минуту, зная серіозный характеръ гадальщицы, я не могла остаться равнодушною и невольно спросила: „Что̀ вы видите?" Она начала медленно разказывать по мѣрѣ того какъ предметы вѣроятно прояснялись въ ея глазахъ.

— Я вижу нашу маленькую гостиную въ Изъяловѣ... * да, точно, это она... зеленые обои и вся мебель... вотъ передъ диваномъ круглый столъ на которомъ мы всегда пьемъ чай... онъ накрытъ скатертью... для кого же это?... Постой! кто-то лежитъ на диванѣ... ахъ! Боже мой! да это братъ Николай! **

При этомъ словѣ я вскрикнула, и со мной сдѣлалось дурно, золовка бросилась ко мнѣ; изъ прочихъ комнатъ услышали тревогу; всѣ прибѣжали, суетились... Со мною былъ нервный припадокъ; помогали чѣмъ знали и собирались уже посылать за докторомъ, но прошло довольно скоро, и когда я успокоилась, всѣ меня уговаривали что нечего бояться, что если и вѣрить видѣнію, то ничего дурнаго нѣтъ; вѣроятно онъ собирается чай пить или ужинать. Признаться, я и сама не умѣла

---

* Имя села гдѣ мы всегда жили.

** Имя мужа моего.

дать себѣ отчета почему я испугалась, но это причинило мнѣ безсонницу на всю ночь, и бѣднымъ золовкамъ моимъ я, думаю, порядочно надоѣла; мы всѣ жили въ одной комнатѣ, и онѣ мало спали, потому что поочередно сидѣли и болтали со мною. Къ утру я уснула и проснулась довольно поздно.

Только-что я встала, мнѣ подали письмо отъ матушки; за мной прислали, но уже не брата, а лакея, кучера съ повозкой и тройкой лошадей; горничная была при мнѣ. Это событіе заставило меня забыть о вчерашнемъ. Нечего было дѣлать, надо было ѣхать; скачи враже, якъ панъ каже! А кто былъ мой панъ? Богъ вѣсть! не то мужъ, не то отецъ или свекоръ! Выходило что я всѣмъ троимъ повиновалась и повиновалась добросовѣстно. Конечно, въ послѣдствіи я взяла свою revanche и заставляла всѣхъ повиноваться себѣ. Этого я добилась въ 35 лѣтъ, а мнѣ еще только 65; надобно добить до 70, будетъ по крайней мѣрѣ ровно. C'est de la justice, j'espère!

Сборы были не велики; всѣ прослезились; я простилась и уѣхала. Дорогой не было ничего замѣчательнаго. Дорога гладкая и все лѣсъ, чѣмъ дальше, то больше лѣсу; наконецъ когда ѣхали послѣднюю станцію, то надъ нами былъ совершенный сводъ изъ деревьевъ покрытыхъ снѣгомъ; дорога проселочная, узкая, едва пробитая сквозь лѣсъ, отъ снѣга сучья нагнулись и сплелись. Мы ѣхали утромъ; какъ же тутъ ночью ѣздятъ? А если еще придется съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, какъ разъѣхаться?

Вотъ и пріѣхали! Братъ и сестра на крыльцѣ, матушка въ залѣ, отецъ въ гостиной; всякій встрѣчалъ меня по своему чину или достоинству. Сестра приняла меня ни то, ни се; мы никогда дружны не были. У брата на лицѣ была написана радость, но далѣе этого онъ не смѣлъ ее выказать. Тутъ стоялъ на крыльцѣ Василій Гавриловъ; онъ ловилъ всякое движеніе и потомъ передавалъ отцу моему свои замѣчанія. Я увѣрена что и матушка была очень рада видѣть меня (она тогда еще любила меня), но она тоже не смѣла высказаться: въ лакейской Василій Гавриловъ, а въ гостиной отецъ. Братъ далъ мнѣ знакъ пожатіемъ руки и глазами указалъ на дверь. Я пошла въ гостиную медленными шагами частію отъ усталости, частію отъ страха. Отецъ сидѣлъ въ креслахъ и смотрѣлъ на меня очень серіозно, почти гнѣвно; я проговорила нѣсколько словъ спрося у него о здоровьѣ, а онъ отвѣчалъ: „Садись, ты устала;

не хочешь ли чего? Владиміръ! скажи чтобы подали поскорѣе чего сестрѣ!“ Всталъ и ушелъ въ свою комнату, которая была за три комнаты отъ гостиной.

Надобно сказать что въ матушкиномъ имѣніи не было никакого господскаго строенія; имѣніе было оброчное. Пришлось бы жить въ избахъ, но къ счастію неподалеку отъ имѣнія какой-то бѣдный помѣщикъ только что поставилъ домикъ и съ удовольствіемъ уступилъ его отцу моему за нѣкоторую плату на все время его тутъ пребыванія. Семейство помѣщалось довольно удобно. Когда отецъ ушелъ, у насъ начались разные разспросы и разказы; при отцѣ никогда почти разговоръ не вязался, но зато уже безъ него, on se donnait à coeur joie. Не помню сколько недѣль я тамъ провела; мнѣ было не очень скучно и не очень пріятно. Самое лучшее препровожденіе времени для меня бывало когда находилась вмѣстѣ съ семействомъ бабушка Станкевичъ. Ея имѣніе было въ самомъ близкомъ разстояніи отъ насъ, и мы часто видались или у насъ, или у нея. При бабушкѣ жила ея меньшая дочь, и хотя между ею и мной была разница въ лѣтахъ, но мы были дружны. Я думаю къ этому много способствовало однообразное воспитаніе наше; она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, а я въ Екатериненскомъ училищѣ. Отецъ большею частію сидѣлъ въ своей комнатѣ, а когда и выходилъ въ общія, то все былъ мраченъ, скученъ, грустенъ. Что̀ же мудренаго? имѣніе разорено, ни дома, ни хлѣба, ни денегъ; непріятель перешелъ уже за границу; пора брата везти на службу, а не съ чѣмъ. И страшно! одинъ сынъ! Иногда я замѣчала что онъ взглянетъ на меня съ участіемъ, скажетъ матушкѣ что-то вполголоса; та покачаетъ головой, и оба замолчатъ.

Однажды утромъ сидѣла я въ залѣ и вязала чулокъ, вижу въ окно что подъѣхала къ крыльцу какая-то дорожная повозка тройкой; полагая что это сосѣди; я ушла въ гостиную. Чрезъ нѣсколько минутъ послышались восклицанія сестры и горничной; слышу ясно: „Живъ, живъ!“ Вбѣгаютъ обѣ въ гостиную съ этими словами; сестра сказавъ: „Вотъ и письмо отъ него!“ подала мнѣ письмо. Я такъ была удивлена всѣми этими криками что безъ всякаго вниманія взяла письмо, взглянувъ на подпись, увидѣла мужнинъ почеркъ, вскрикнула и опустилась въ кресла, на которыя собиралась усѣсться опять съ работой. Я была въ сильномъ волненіи, держала письмо и не читала. Отецъ и мать мои торопливо вошли въ гостиную

и спросили: „Что̀ онъ пишетъ?“ Тутъ я опомнилась, распечатала, руки дрожали, пробѣжала глазами и подала отцу; читать громко не могла, у меня голосъ дрожалъ. Письмо состояло въ нѣсколькихъ строкахъ, вотъ оно.

„Любезный другъ Фани! Наконецъ я могъ вырваться на нѣсколько времени чтобы съ тобой повидаться, и можешь себѣ представить мое отчаяніе когда я узналъ что тебя нѣтъ въ Ростовѣ, что тебя увезли; я совсѣмъ было съ ума сошелъ. Посылаю за тобою лошадей, пожалуста не медли, пріѣзжай поскорѣе, я нетерпѣливо хочу тебя видѣть“ и пр. и пр. Ни поклона, ни почтенія никому.

Отецъ былъ раздосадованъ, и брося письмо на столъ, сказалъ съ сердцемъ: „Видно что нетерпѣливо хочетъ видѣть, не могъ самъ пріѣхать!“ и скорыми шагами ушелъ къ себѣ. Матушка объяснила мнѣ почему слово „живъ“ повторялось по всему дому. Одинъ нашъ дальній родственникъ пріѣхалъ въ отпускъ въ Кострому къ своей матери и разказалъ будто бы Калужское ополченіе въ какой-то стычкѣ съ непріятелемъ шибко пострадало, въ особенности Мещевское въ прахъ разбито и что мужъ мой убитъ. Это извѣстіе сокрушило отца моего, онъ хотѣлъ чтобъ я пріѣхала къ нему находя что мнѣ приличнѣе оставаться у своихъ родителей, нежели у мужниныхъ, когда мужа нѣтъ на свѣтѣ.

Сестра пришла ко мнѣ и спросила что̀ я думаю дѣлать.

— Что̀ же больше какъ не ѣхать? отвѣчала я: и пошла сказать своей горничной чтобы та укладывалась.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошла матушка и сказала мнѣ:— Отецъ велѣлъ тебѣ предложить ѣхать съ нами вмѣстѣ, лучше чѣмъ одной.

— Когда вы ѣдете?

— Послѣзавтра.

— Тоже на долгихъ?

— Только до Костромы, а оттуда на почтовыхъ.

— Безъ сомнѣнія я рада ѣхать вмѣстѣ съ вами хоть до Костромы. Куда же вы всѣ ѣдете?

— Мы получили извѣстіе что непріятелей въ Россіи уже нѣтъ, что помѣщики помаленьку собираются на свои пепелища, что наше присутствіе тамъ нужно, притомъ же пора и Владиміра...

При этихъ словахъ голосъ у матушки задребезжалъ, у меня слезы навернулись на глазахъ, и я чтобы не заплакать при

матушкѣ вышла вонъ, подумавъ: „Бѣдный братъ! ѣдетъ на войну, увижу ли я его когда-нибудь?“

Полторы сутокъ мы еще пробыли въ этой деревушкѣ, гдѣ жили мои родители во время нашествія Наполеоновой орды, и не столько укладывались сколько проводили время съ бабушкинымъ семействомъ. Въ назначенный день къ отъѣзду пошли проститься со слѣпымъ дѣдушкой, который жилъ въ особенной новой избѣ со своими привычными служителями, и бабушка пошла съ нами къ нему. Несмотря на его 90 лѣтъ, онъ былъ въ полномъ разсудкѣ и понималъ что̀ ему объясняли. Отецъ сказалъ ему что уѣзжаетъ со всею семьей, что въ имѣніи требуютъ его присутствія, что брата везетъ на службу и его оставляетъ пока здѣсь на попеченіе своей тещи. Дѣдушка все выслушалъ внимательно и сказалъ отцу: „Ступай братъ съ Богомъ, пора посмотрѣть что̀ тамъ дѣлается“. Брату сказалъ: „Ну, братъ Володя, прощай, дай Богъ тебѣ счастія; хотѣлъ бы дать тебѣ что-нибудь на дорогу, да нѣтъ ничего, и самъ живу по милости твоей матери, въ ея имѣніи; я думаю проклятый Французъ все разорилъ, нечѣмъ будетъ и ей заплатить за мое пропитаніе“. Узнавъ что бабушка здѣсь; онъ почти со слезами благодарилъ ее что она беретъ его на свое попеченіе. Отъ него мы поѣхали къ бабушкѣ, тамъ отобѣдали и пустились въ дальній путь, поплакавъ при прощаніи.

Проѣхавъ сутки, мы два раза кормили лошадей все проселками; на третій кормъ мы выѣхали на большую дорогу; вечеромъ пріѣхали въ какое-то большое село и велѣли отыскать квартиру для ночлега. Мы ѣхали зимой, въ декабрѣ, темно, холодно, квартиры скверныя, совершенное бѣдствіе! Люди наши бѣгали по селу, насилу отыскали избу, гдѣ насъ рѣшились пустить переночевать. Какой закоснѣлый народъ! Подъѣзжая къ воротамъ, мы замѣтили толпу, но въ темнотѣ не могли различить что̀ такое. Пока одинъ изъ лакеевъ побѣжалъ къ хозяину за фонаремъ, другіе помогали намъ вылѣзть изъ неуклюжихъ повозокъ въ которыхъ тогда всѣ ѣздили. Принесли два фонаря, и когда освѣтили ими все пространство около воротъ, какое ужасное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ! Толпа состояла изъ плѣнныхъ французской и прочихъ національностей послѣдовавшихъ за Наполеономъ. Одинъ изъ нихъ лежалъ на снѣгу и чуть-чуть охалъ, лицо и руки были обморожены, онъ совсѣмъ замерзалъ,

прочіе окружали его и не могли подать ему никакой помощи, они всѣ были очень легко одѣты и дрожали отъ сильнаго мороза. Мы съ сестрой и перепугались этой непріятельской толпы, и жалко было видѣть этого несчастнаго страдальца; мы громко начали плакать и говорили всякій вздоръ: и Налолеона бранили, и безчеловѣчныхъ мужиковъ ругали что они не хотѣли дать имъ пристанища. Отецъ мой, увидѣлъ все это, тотчасъ обратился къ толлѣ мужиковъ, стоявшихъ поодаль и закричалъ громкимъ голосомъ: „бурмистра сейчасъ ко мнѣ"! Изъ толпы вышелъ осанистый мужикъ и мѣрными шагами подошелъ къ отцу.

— Отъ чего плѣнные тутъ стоятъ?

— А я почемъ знаю.

— Да вѣдь ты начальникъ въ деревнѣ, для чего же ты не разставишь ихъ по избамъ?

— Вотъ что̀ выдумалъ, баринъ! Да кто жь этихъ *нехрещеныхъ* собакъ пуститъ къ себѣ въ хату; какъ пришли, такъ и околѣвай.

Тутъ отецъ не выдержалъ, налетѣлъ на него орломъ, свалилъ съ ногъ, закричалъ: — сейчасъ квартиры и ѣсть плѣннымъ, а не то убью до смерти!

Бурмистръ заоралъ безъ памяти:—Виноватъ, родимый, виноватъ, отпусти Христа ради, сейчасъ изготовлю имъ бани, онѣ теплыя, сегодня суббота, мылись.

— А-а, догадался! сейчасъ поди и все сдѣлай!

Бурмистръ всталъ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ. Отецъ между тѣмъ говоритъ самъ себѣ: „Да вѣдь при нихъ долженъ быть какой-нибудь провожатый!"

И обратясь къ толпѣ мужиковъ, которая, увидѣвъ какъ отецъ поступилъ съ ихъ бурмистромъ, стояла почтительно безъ шапокъ, спросилъ:

— Съ плѣнными есть провожатый?

Мужики отвѣчали въ нѣсколько голосовъ:—Кажись былъ!

— Да гдѣ же онъ?

— А Господь его знаетъ! Студено, небось грѣется.

— Отыщите и приведите его ко мнѣ.

Нѣсколько мужиковъ бросились въ разныя стороны. Плѣнные между тѣмъ, хотя и не понимали языка, но инстиктивно догадывались въ чемъ дѣло и немного приблизились къ намъ; впереди между ними стоялъ молодой человѣкъ, высокаго роста, стройный, съ очень умнымъ и пріятнымъ лицомъ.

Мы пошли мимо ихъ чтобы войти въ избу, они сняли шапки, отецъ и братъ то же сдѣлали, мы, дамы, поклонились имъ.

Отецъ спросилъ у молодаго человѣка:—Vous êtes Français?

— Oui, monsieur.

— Y a-t-il avec vous quelqu'un pour vous conduire?

— Oui, monsieur; un officier, je crois.

— Un militaire?

— Je ne saurais vous dire.

— En uniforme?

— Oui, une espèce d'uniforme.

— Вѣрно какой-нибудь сельскій засѣдатель, въ зеленомъ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ съ медалями. Votre nom?

— Jean Dupin.

— Eh bien, dites à vos camarades d'attendre un peu, et venez avec moi.

Всѣ плѣнные поблагодарили отца моего, Jean Dupin пошелъ за нами. Пока на улицѣ происходили разныя сцены, въ избѣ было приготовлено все для чаю; мы принялись наливать, а отецъ толковать о войнѣ съ Dupin, напоилъ его чаемъ и далъ ему мелкихъ денегъ для товарищей.

Пришелъ провожатый плѣнныхъ. Онъ точно былъ въ мундирномъ сюртукѣ, губернскомъ, и былъ земскій засѣдатель; вошелъ очень отважно, нѣсколько навеселѣ и съ улыбкой спросилъ у отца моего что̀ ему надо. Но когда этотъ напустился на него и началъ ему пѣть нотацію о службѣ, о выборѣ его, о плѣнныхъ, о томъ какъ онъ долженъ съ ними обращатся, и покончилъ: „Я, сударь, ѣду теперь въ Кострому, буду у губернатора, я съ нимъ хорошо знакомъ, все ему разкажу, а тамъ ѣду въ главную квартиру и лично доложу обо всемъ его высочеству великому князю Константину Павловичу; вамъ, сударь, не сдобровать“. Засѣдатель перепугался до смерти; все извинялся, приносилъ разныя нелѣпыя оправданія и отодвигался отъ отца къ дверямъ задомъ; а когда отецъ закричалъ: „молчите, и чтобы сейчасъ всѣ плѣнные были устроены какъ можно лучше, я приду посмотрѣть, рекомендую вамъ въ особенности вотъ этого молодца“, засѣдатель махнулъ рукой Дюпену и почти лбомъ растворивъ дверь, убѣжалъ. Дюпенъ поблагодарилъ всѣхъ насъ; мы ему пожелали добраго пути и лучшихъ провожатыхъ.

На другой день рано утромъ, когда мы собирались ѣхать, засѣдатель съ бурмистромъ явились къ отцу съ извиненіями; съ увѣреніями что плѣннымъ будетъ хорошо и съ просьбой чтобы не жаловался на нихъ, но отецъ отвѣчалъ имъ: „Нѣтъ, вашу братію надо учить, вѣдь эти плѣнные не послѣдніе". Тѣ повѣсили носы, а мы поѣхали далѣе.

Дорогой заѣхали мы къ одной нашей родственницѣ, знатной барынѣ, гжѣ Нащокиной. Мы у ней пробыли цѣлый день. Подойдя какъ-то къ окну, я увидѣла что черезъ дворъ огромнаго зáмка въ которомъ жила наша родственница шелъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, одѣтый въ ярко-красный кафтанъ; я удивилась костюму. Дочь гжи Нащокиной объяснила мнѣ что это знаменитый Иванушка-дурачекъ, жившій при Дворѣ императора Павла I. Онъ былъ крѣпостной человѣкъ гжи Нащокиной. Отецъ мой, услышавъ что Иванушка еще живъ, просилъ послать за нимъ. Тотъ пришелъ; это былъ старикъ, но довольно свѣжій, худощавый, черты лица видно что были не хороши, но не оказывали глупости. У него старшіе разспрашивали о разныхъ его похожденіяхъ при Дворѣ; онъ разказывалъ много анекдотовъ.

Гжа Нащокина сказывала намъ что Иванушка ни за что на свѣтѣ не надѣнетъ никакого платья какъ такое какое онъ носилъ при дворѣ, и покроемъ и цвѣтомъ, и она каждый годъ должна выписывать для него красное сукно.

Продолженіе слѣдуетъ).